

ЛЕА СТЕНБЕРГ

РЕННВІЛД
ПОЦЕЛУЙ НОЧИ

REGNVIND

Леа Стенберг

Тайны Реннвинда. Поцелуй ночи

«Автор»

2021

Стенберг Л.

Тайны Реннвинда. Поцелуй ночи / Л. Стенберг — «Автор»,
2021 — (REGNVIND)

Нея приезжает в маленький туманный городок Реннвинд, откуда родом ее мать. Девушку ждёт новая школа - элитное учебное заведение Хемлиг для подростков, немалая часть из которых хранит свои опасные секреты, а также новые друзья и любовные испытания. Ей предстоит разгадать тайну своего происхождения, найти виновника загадочных исчезновений учениц гимназии, обрести уникальный дар и выяснить, что же так тщательно от всех скрывает красавчик Хельвин - ее новый одноклассник. Жизнь Неи больше не будет прежней, ведь теперь она станет частью Реннвинда - города, в который жаждет попасть каждый, кому есть, что скрывать.

© Стенберг Л., 2021

© Автор, 2021

Содержание

Часть 1	5
Пролог	5
Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	14
Глава 4	18
Глава 5	23
Глава 6	26
Глава 7	30
Глава 8	33
Глава 9	37
Глава 10	40
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Леа Стенберг

Тайны Реннвинда. Поцелуй ночи

Часть 1

Regnvind

Те, кто пропал, уже не возвращаются

Пролог

Иногда сны сбываются.

Иногда сны больше, чем просто сны.

Любовь и страх – два самых сильных истинных чувства во всей Вселенной. Мощные энергии, руководящие всем на свете. Всё подчинено только им.

Любовь – величайшая из пыток. Теперь я знаю об этом всё. Или почти всё. Постичь её полностью, познать всю глубину этого чувства дано не каждому. И не сразу. Любовь будет кромсать вас на части понемногу, станет истязать вас постепенно, будет точить, как вода камень – годами, пока не разрушит до конца.

А страх... Страх это то, что я испытываю сейчас, глядя на поверженного у моих ног. Глядя на того, кого люблю.

Увы, теперь мне известно, что такое вырвать сердце из груди – в прямом смысле.

Дрожащими руками я касаюсь зияющей раны на его теле и понимаю: это конец. Несмотря на очевидное, всё же наклоняюсь ниже в надежде услышать его дыхание. Тишина. Мои глаза обжигают горячие слёзы.

– Когда-нибудь ты простишь. – Шепчу я. – Я не могла поступить по-другому. Когда-нибудь ты меня простишь.

Глава 1

– Трасса самоубийц. – Поясняет водитель, когда все пассажиры пристраиваются к окнам. – Так её называют.

Узкая горная дорога петляет, и в свете полной луны мы наблюдаем, как дрожит пламя сотен свечей, хаотично расставленных среди букетов цветов прямо на земле. По салону автобуса проносится гул шепотков. Зрелище шокирует меня не меньше остальных, но я спешу отстраниться от холодного стекла и закрыть глаза.

Сколько же людей здесь погибло по собственной глупости, неосторожности и по велению злого рока? Десятки? А, может, сотни – по количеству зажженных огоньков?

Дорога убаюкивает, но у меня не получается уснуть. Ничего удивительного – моё расстройство сна находится в очередной стадии обострения.

Обычно тетя Ингрид быстро приводит меня в форму своими снадобьями, но сейчас ее рядом нет. Если уж говорить правду и называть вещи своими именами, то стоит признаться: я сбежала. А если уж быть честной до конца, то никакая она мне не тетя. Но сути дела это не меняет: Ингрид Свенссон – единственный близкий мне человек и мой официальный опекун.

Так что, да: я поступила с ней не самым лучшим образом, сбежав из дома, но в конечном итоге это ради ее же блага. По крайней мере, я утешаю себя именно этим.

Позвольте объяснить, что к чему.

Ингрид – лучшая подруга моей мамы Карин, которой не посчастливилось умереть во время моего появления на свет. Тетя могла сдать меня в приют или бросить на произвол судьбы, но поступила иначе. Все эти годы она воспитывала меня как собственную дочь: с момента рождения и до сегодняшнего дня, а, значит, почти восемнадцать лет.

Ингрид заботилась обо мне, дала мне прекрасное воспитание и неплохое образование, она посвятила мне себя всю, и по той же причине не обзавелась собственной семьей и до сих пор не устроила личную жизнь.

Тетя любила меня, но теперь я острее, чем когда-либо, чувствовала, что обременяю ее. За ней ходили толпы ухажеров, но всякий раз она отвергала их одного за другим – и в этом была моя вина. Красивая и веселая тридцатишестилетняя женщина должна была вспомнить о том, что воспитывать чужого ребенка не единственное ее предназначение, она должна была подумать, наконец, о себе. Поэтому я ушла.

А еще потому, что в один прекрасный день узнала о том, что у меня есть бабушка. Вернее, была. Все это время она жила в Реннвинде.

Мне стало известно об этом, только когда нам по почте пришли бумаги: сообщение о смерти и бумаги на ее дом. Мы с Ингрид долго спорили, что делать с наследством, но так и не пришли к общему мнению. И как только тетя уехала в очередной поход за дикоросами, я разузнала в сети все о Реннвинде, затем собрала чемодан, взяла ключи от бабушкиного дома и ушла.

Я оставила ей записку.

Просто чертову записку на столе!

Знаю. Вряд ли, так прощаются с тем, кто посвятил тебе восемнадцать своих лучших лет, но в тот момент решение уехать в родной город матери казалось мне единственно верным. Теперь же я буквально изнывала от чувства вины, утешая себя сомнительным фактом того, что тетя без меня, наконец-то, сможет начать новую жизнь.

«Добро пожаловать в Реннвинд» – гласит табличка.

Я выпрямляюсь в кресле и вновь припадаю к окну. Если бы автобус не сломался по дороге, мы не проторчали бы четыре часа на трассе, ожидая техпомощь, и не въехали бы в

город затемно. Но, видимо, была какая-то высшая необходимость в том, чтобы Реннвинд впервые предстал передо мной именно таким – темным, туманным, зловещим.

Как бы он ни выглядел, я радуюсь тому, что приехала сюда. Именно в этот город тянулись все ниточки истории под названием «Рождение Линнеи Остлунд». Потому что только здесь я могу найти ответ на вопрос, почему беременная Карин Остлунд, моя мать, бежала отсюда много лет назад. А главное, почему? И от кого? И именно в Реннвинде живет мой единственный ближайший родственник – мой отец. Кто он такой, мне еще предстоит выяснить.

Автобус проносится мимо кладбища и стоящей поодаль старой каменной церкви. Деревья в свете луны изо всех сил вытягивают свои сухие ветви, точно тянутся ко мне крючковатыми пальцами, а с макушки могучей ели вдруг срывается и взмывает вверх, растворяясь в густоватом сером тумане ночи, большой черный ворон.

Я инстинктивно ежусь и касаюсь кончиками пальцев кулона, висящего на шее. Когда-то он принадлежал моей матери, и поэтому особенно мне дорог.

– Через минуту будем на месте. – Сообщает водитель.

Все начинают суетиться: одеваются, застегивают куртки, подтягивают к себе сумки и вешают на плечи рюкзаки. Пассажиров всего семеро, включая меня, но этого хватает, чтобы я не ощущала беспокойства от того, что мне придется очутиться на пустынной городской улице в полночь.

Напрасно.

В следующее же мгновение на улицах Реннвинда начинают мелькать витрины мелких магазинчиков, зрачки светофоров, косые лучи фонарей, и тут и там пляшут искры костров и языки факелов.

– Праздник в честь прихода весны. – Говорит кто-то из пассажиров.

И как я могла забыть!

В эту ночь по всей стране отмечают этот жуткий праздник. Люди вытаскивают все старье из дома, чтобы сжечь его на городских площадях под завывание дудок и радостное улюлюканье жителей. Судя по всему, местные тоже почитают эту традицию: тут и там гуляет молодежь в причудливых масках на лицах, с факелами и выпивкой в руках, а на площади уже высится огромный костер, кажущийся в темноте огромным оранжевым столпом, поднимающимся к небесам.

– Ну и жуть. – Радостно шепчет женщина, придвигаясь к выходу.

Автобус ухает и замирает у края дороги. Пассажиры торопливо тянутся к выходу. Еще раз проверив в кармане наличие бумажки с адресом, я поднимаюсь с сидения, беру сумку и следую за ними.

– Всего хорошего. – Улыбается мне водитель.

Я улыбаюсь ему в ответ, еще не зная, что ничего хорошего меня здесь не ждет.

Едва мы оказываемся на остановке, пассажиры автобуса бросаются в разные стороны. Я остаюсь стоять одна, кутаясь от ветра в воротник и судорожно вдыхая влажный ночной воздух. Там, где гремит музыка, и мелькают огни костра, больше шансов найти того, кто подскажет мне дорогу, поэтому, вздохнув, я опрокидываю сумку на колесики и тащу за собой.

Через пару минут меня поглощает толпа кричащих и танцующих на площади людей. Многие из тех, кто моложе, обливаются вином, хихикает или громко кричит. Традиция носить устрашающие белые маски с уродливыми, нарисованными на них рожицами на День Весны и крики, призванные отпугнуть злых духов, для меня не в новинку. Но в этот раз я одна в незнакомом городе. И всякий раз, когда кто-то напрыгивает на меня с разбега или близко наклоняется к лицу и кричит, по моей спине проносятся мурашки.

Шарахнувшись в очередной раз от одного из жителей, который вдруг начинает мычать, словно корова, я решаю отойти на безопасное расстояние от толпы.

– Ты ее напугал, Улле! – Звонко смеется девушка, оттаскивая его от меня.

– А тебе что, совсем не страшно? У-у-у! – Продолжает мычать он, протягивая к ней руки.

Я отхожу на достаточное расстояние и иду по дорожке, вдоль которой стоят деревянные скамейки с изящным каменным основанием. Позади этих скамеек стеной возвышается черный лес. Здесь тише, и не слепят языки костра, но сердце продолжает стучать, словно бешеное. Не в силах его унять, я останавливаюсь прямо посреди дороги.

– Тоже не в восторге от всей этой вакханалии? – Вдруг усмехается какой-то голос.

Я резко оборачиваюсь на звук.

– Ну, в смысле... – Это девушка. Странное лоскутное вязанное платье, массивные кроссовки с полосатыми гетрами, немыслимое количество бус, веревок, украшений на шее, фенечек на руках, и даже кольцо в губе. Пальцем она очерчивает круг возле своего смуглого лица. – Ты тоже без маски. Не по душе этот «праздник»? – Девушка ставит в воздухе воображаемые кавычки.

Цыганка?

Я оглядываюсь по сторонам.

Тихо, темно, пустынно.

Я с детства привыкла относиться к представителям этого народа, так скажем, с небольшими предосторожностями. Всю историю помню смутно, в памяти осталась лишь атмосфера парка аттракционов и взгляд той черноволосой женщины, которая подошла ко мне и крепко схватила за руку, стоило тете Ингрид отлучиться лишь на минутку за билетами на карусель.

– Как интересно. – Пробормотала тогда она.

И я испуганно выдернула свою пухлую ручку из ее шершавой руки.

– Про таких, как ты, – сказала женщина, бледнея, – мне все известно. *Тебя убьет любовь.* – Она попятилась. – Убьет!

– Убирайся отсюда! – Выкрикнула ей в лицо подоспевшая вовремя тетя Ингрид. Она присела на корточки и стала меня осматривать. – Она трогала тебя? Что эта женщина сказала?

– Если хочешь жить, убей его сама! – Прокаркала цыганка и скрылась в толпе.

Случай быстро забылся, но эти слова засели глубоко в моей душе.

«Тебя убьет любовь» – что это означало? Книжки о любви, которые я таскала из библиотеки Ингрид, твердили, что любовь ранит, причиняет боль, терзает и прочее-прочее-прочее. Знакомая с их содержанием, я примерно догадывалась, чего следует ожидать в будущем, если не повезет влюбиться в кого-то. Но *убивающая* любовь – это звучало действительно пугающе. Может, именно поэтому и запомнилось?

– Ты чего? – Девчонка наклоняется вперед и машет перед моим лицом руками. – Зависла?

– Я... – Мне приходится прочистить горло. – Я... нет. Простите.

– Неместная? – Хмурится она, разглядывая мою сумку. – Все валят отсюда. Не понимаю, что может заставить человека по доброй воле приехать в забытый богом город дождя и ветра?

– Вы не подскажете, как мне найти этот адрес? – Спohватившись, я протягиваю ей листок.

Девчонка сует бумажку под тусклый свет фонаря.

– Как интересно. – Ухмыляется она. «Опять эти слова». И заметив, как я напряглась, тут же отмахивается. – Дальше по дороге. До конца, не ошибешься.

– Спасибо. – Выхватив бумажку, я спешу прочь.

Ветер завывает в вершинах сосен, по дороге стелется туман. Близость леса заставляет меня испытывать почти первобытный ужас и напряженно вглядываться в зияющую меж могучих стволов темноту.

Постепенно мостовая сменяется асфальтом, дорожка становится ровной, сумка перестает подскакивать, и колесики больше не дребезжат, но тишина вокруг и отголоски звуков с площади кажутся от этого лишь более зловещими. Наконец, я вижу, как вдали уже маячат дома, и не удерживаюсь от того, чтобы ускорить шаг.

Как раз в этот момент рядом со мной раздаются тихие голоса.

– Послушай меня. – Настойчиво говорит мужской голос.

Я останавливаюсь и смотрю на них.

– Отвали уже! – Взвизгивает девица в ярко-желтом платье и красных туфлях.

Она стоит в паре метров от меня, привалившись спиной к дереву, а парень возвышается над ней – высокий, широкоплечий. Свет фонаря едва касается спины незнакомца, но у меня, все же, получается разглядеть пугающий рваный шрам на его шее.

– Если хочешь жить... – он осекается, перехватив ее взгляд, и резко оборачивается.

Я перестаю дышать. На лицах обоих – устрашающие маски.

– Простите... – Бормочу я, вцепившись в ручку сумки.

И уже собираюсь продолжить путь, как мне вдруг мерещится, что глаза незнакомца ярко вспыхивают желтым в темноте и проходятся по мне дикой, неконтролируемой яростью.

– Простите. – Повторяю я и бросаюсь дальше по дороге.

Было ли свечение его глаз плодом моего воображения, или от них отразился свет фонаря, мне разбираться не хочется. Я, что было сил, несусь вдоль по улице.

Нужный адрес, как и обещала девчонка, оказывается в самом конце. Двухэтажный аккуратный домишко со старомодными занавесками на темных окнах, низенький заборчик и пришедший в запустение газон. Довольно милое и приятное жилище, надо заметить.

Отдышавшись, я нерешительно ступаю на крыльцо, втаскиваю за собой сумку, достаю из кармана ключ и дрожащей рукой вставляю в замочную скважину. Поворот, еще поворот – он подходит. Мое сердце пускается вскачь. Я выдыхаю, и с тихим скрипом передо мной отворяется дверь в неизвестность.

Глава 2

Дом встречает меня прохладой и витающей в воздухе затхлостью. Я нащупываю выключатель, давлю на клавишу, и пространство коридора заполняется густым, темно-желтым светом.

Обстановка, прямо скажем, небогатая.

Я запираю дверь на засов, оставляю сумку, прохожу в гостиную и включаю свет. У стены стоит старомодный диван, низкий журнальный столик, у окна – кресло-качалка. Горшечные растения на подоконнике и настенной полке давно высохли, и пол покрыт черной шелухой ссохшихся листьев. На всех видимых поверхностях темнеет пыль, упаковки с сердечными лекарствами и потрепанный томик стихов тоже покрыты толстым ее слоем.

У меня щемит в груди, едва я замечаю фотографию на каминной полке. На снимке моя мать – примерно в том же возрасте, в котором я нахожусь сейчас. Она улыбается, и на ее щеках искрятся россыпи озорных веснушек. Глаза мамы лучатся светом, а длинные черные волосы ласково обнимают плечи. Она кажется счастливой и совсем юной. Ее лицо – будто мое отражение в зеркале, такое же живое.

Хотелось бы и мне однажды увидеть его перед собой, сосчитать все ее морщинки, погладить эти мягкие волосы... Но, увы, чудес не бывает.

Я замираю, глядя на кресло-качалку.

Оно стоит так, чтобы, сидя, можно было смотреть на эту фотографию. Но почему же бабушка, которая так сильно тосковала по дочери, что постоянно держала в поле зрения ее портрет, не захотела познакомиться со своей внучкой? Узнав об этом, я представила бабушку злой, непримиримой и жестокой женщиной, но теперь, глядя на снимок на камине, не знаю, что и думать.

– Что это?

Обнаружив на столике в спальне Ингрид бумаги, я потребовала ответов.

Уставившись на пакет в моей руке и осознав неминуемое, тетя вздохнула и тяжело опустилась на стул.

– Кто такая Вильма Остлунд, и почему у нее моя фамилия? – Я швырнула бумаги на стол.

– Нея... – Пробормотала Ингрид, неумело пряча взгляд.

– Что ты скрываешь от меня?

За пять минут до прихода тети я успела пролистать эту кипу документов, и все, что я поняла – это то, что какая-то Вильма Остлунд отошла в мир иной, и ее имущество, конкретно – двухэтажный дом в городе Реннвинд, целно и безраздельно перешел единственному наследнику – Карин Остлунд.

– Я собиралась с духом. Не знала, как лучше тебе сказать. – Ингрид заломила пальцы.

– Кто такая Вильма?

– Твоя бабушка.

– У меня есть бабушка?!

– Была. – Она пожала плечами. – Умерла несколько месяцев назад.

– И я узнаю об этом только сейчас?!

– Прости. – Тетя потянулась ко мне, хотела погладить по плечу, но я резко вырвалась.

– Чего еще я не знаю?!

Мой мир переворачивался с ног на голову, и мне срочно нужны были ответы.

– Это сложно, детка.

– Сложно? – Я задыхалась от возмущения. – Сложно?! Что может быть легче, чем сказать мне, что у меня есть бабушка?! Или я не должна была узнать об этом никогда? Почему?

Ингрид облизала полные губы.

– Карин не просто уехала в другой город. – Вымолвила тетя. – Восемнадцать лет назад она буквально бежала из Реннвинда – из-за Вильмы. Твоя бабушка... она ведь была весьма старомодна, и вряд ли бы приняла дитя, рожденное вне брака. Зная, что мать придет в ужас от известия о беременности, Карин поспешила уехать, оставив лишь записку, в которой сообщала о том, что отправляется во Флодбергский Университет, который принял ее на учебу.

– Моя мать умерла! – Не выдерживаю я. – Бабушка ведь знала о моем существовании, да?!

Ингрид нехотя кивнула. Похоже, было что-то, о чем она боялась мне сообщить.

– Тогда почему ты не давала мне видеться с ней?!

– Она... – Тетя виновато посмотрела на меня и закусила губу. – Она... Прости, детка, я не знаю, как такое сказать, у меня просто не поворачивается язык.

– Что?

– Вильма отказалась от опекуна и...

У меня оборвалось дыхание, но я все же выдавила:

– И?

– И сколько я не уговаривала ее, она всякий раз отказывалась от контакта с тобой. – Ингрид подошла и несмело взяла меня за руку. Ее ладонь сжала мои дрожащие, холодные пальцы. – Я приглашала ее в Флодберг, предлагала приехать самой и даже отправляла однажды твое фото – думала, может, хоть это тронет ее сердце. – Тетя обняла меня и прижала к груди. – Мне очень жаль, Нея. И очень стыдно за нее. Я не знаю, почему Вильма поступила именно так.

– Может, это из-за моего отца? – Я отстранилась и посмотрела на нее. – Ты ведь знаешь, кто он? Кем он был? Он жив? Он ведь еще молодой, как ты. Или...?

Ингрид потянула носом воздух, а затем медленно выдохнула.

– Мы же говорили об этом, детка.

– Да-да, я помню: мама никогда об этом тебе не рассказывала. Ты не знаешь, кто мой отец.

– Прости. – Кивнула она.

– Но вы же были лучшими подругами!

– Карин унесла эту тайну с собой в могилу. – Сказала тетя.

Это была явная ложь.

Ингрид никогда мне не скажет, кто мой отец. Интересно, почему?

– Разве это так важно? – Улыбнулась она, пытаясь успокоить меня.

– Получается, что я совсем одна. – Прошептала я.

– Одна? – Тетя ущипнула меня за плечо. – А как же я?

– Прости. – Я бросилась ей на шею и обняла. – Ты единственная, кто меня не бросил.

Ты столько делаешь для меня...

– Ну же, ну же, полно, детка. Не плачь. – Ингрид погладила меня по спине.

– А что мы теперь будем делать с домом? – Оживилась я, размыкая объятия. – Мамы нет, значит, он... наш? Разве тебе не надоело мыкаться по съемным квартирам? Нам же приходится переезжать каждые два года, как только кончается контракт на аренду. Может, стоит обосноваться в Реннвинде, или как его там?

Ингрид явно растерялась.

– В Реннвинде? – Ее брови взметнулись вверх. – Ты, вообще, знаешь, что это за место?

– И что это за место?

– Забытый богом и окруженный с одной стороны лесами, а с другой горами городок. Настоящая глушь! Люди там живут старыми традициями, верят в силы природы и прочую чушь, а солнце в Реннвинде такой же частый гость, как снег на южном побережье!

– Там сыро и холодно? Да нет проблем! – Улыбнулась я. – Зато у нас будет свое жилище, разве не круто? Ты продаешь свои травы через интернет, рассылаешь их по почте, для тебя

переезд не станет проблемой. К тому же, близость к природе только на руку – тебе не придется посвящать много времени дальним вылазкам за дикорастущими травами! И что еще лучше: ты можешь устроить во дворе собственный садик с лекарственными растениями! Поставим тебе теплицу, хочешь? Разве это не прекрасно, Ингрид?

Глядя в ее смятенное лицо, я вдруг поняла, что хочу лишь одного: приехать туда, где все начиналось для моей матери. Хочу увидеть дом бабушки и понять, кем она была, и чем жила. Я хочу найти своего отца, ведь он, возможно, даже не знает о моем существовании. А что, если он будет только рад тому, что у него появится дочь?

Наивное детское желание быть кому-то нужной в тот миг разрослось до такой степени, что могло бы двигать горы.

– Хорошо, но... – Ингрид пожалала плечами. – Давай, ты сначала доучишься?

– Я могу доучиться прямо в Реннвинде! Там ведь есть школа?

– Есть, но... – Задумалась тетя, закусив губу.

– Что? – Уставилась я на нее.

– Не лучше ли тебе сначала... набраться сил? Здесь, в Флодберге, у тебя сильные преподаватели, отличная программа...

– Набраться сил? – Я не верила своим ушам. – Да что не так с этим Реннвиндом?!

Ингрид приложила пальцы к вискам и уткнулась взглядом в пол. Молчание длилось около минуты, затем она хрипло произнесла:

– Возвращение в Реннвинд – непростое решение для меня. – Тетя подняла на меня глаза. – Я уехала оттуда вместе с Карин потому, что мне нечего было оставлять в этом городишке. Моя мать погибла в нелепом пожаре за месяц до того, как мы с Карин покинули Реннвинд, и если мы поселимся в доме Вильмы, то обугленные головешки на окраине леса, оставшиеся от отчего дома, это то, что я буду видеть, всякий раз, подходя к окну.

– Ингрид, ты не говорила мне... – Я была ошеломлена.

– Это не просто, поэтому дай мне время. – Попросила она. – Мне нужно настроиться на этот переезд. Но, если ты хочешь, мы можем съездить в Реннвинд летом, как только оформим все необходимые документы на наследство.

– Хорошо. – Вздохнула я, обнимая ее и глядя на лежащие на столике рядом с документами ключи от дома Вильмы.

Возможно, мне не придется дожидаться лета.

Я вспоминаю этот разговор, сидя в кресле-качалке бабушки. Достāju телефон и проверяю, нет ли пропущенных от Ингрид. Разумеется, нет. Когда она уезжает за травами, на пару дней остается без связи. Лишь иногда от нее приходят сообщения, ответы на которые она получает от меня, когда оказывается на возвышенности, где устраивается на ночлег в охотничьем домике.

Я улыбаюсь, думая о тете. Если кто-то и мог заняться такой необычной деятельностью, как собирание, выращивание и продажа лекарственных трав, то только моя чудаковатая и безрассудная искательница приключений Ингрид. Моя мастерица звонко посмеяться и любительница попеть на кухне за приготовлением еды.

Ее хлопковые платья причудливых форм, летящая походка, длинные, разметавшиеся по плечам ярким золотом, светлые волосы – все это ассоциировалось у меня с легким весенним ветерком. Тетя и была такой: всегда веселой, позитивной, смешливой и внезапной, как вихрь. Иногда мне казалось, что взрослая в нашей семье именно я потому, что часто именно мне приходилось улаживать какие-то бытовые вопросы, пока никому не под силу было унять творческий пыл заводной Ингрид.

Окончив университет и проработав пару лет в офисе, она поняла, что такая работа не для нее. Так тетя стала гуру самопознания и начала изучать основы натуропатии. Самые яркие

воспоминания из детства у меня о том, как мы путешествовали с одной лекции на другую, посещали семинары и фестивали различных мастеров, и как тетя, всегда бравшая меня с собой, с интересом внимала всему, что слышала.

Гипноз, медитация, лечебное голодание, йога, акупунктура, аюрведа, диета, фито- и флоротерапия, настои, отвары – вот все, чем были наполнены тогда наши будни. Количество растений на полках и подоконниках с каждым годом росло и вскоре достигало уже немислимых масштабов. Представьте, как тяжело было переезжать и всякий раз таскать с места на место всю эту гору кашпо, вазонов и горшков с целебными растениями!

Хотя, признаюсь, нам было весело: я росла, не чувствуя себя одинокой, а тетя с удовольствием носилась по полям, собирая травы, составляя сборы на продажу, упаковывая их в коробки и пакеты и отдавая в доставку.

Она консультировала, помогала, лечила, вдохновляла сотни людей по всей стране, а я помогала ей и радовалась, что тетя черпает в этом необычном ремесле свое вдохновение.

Выглядела Ингрид точно сумасшедшая хиппи, да и общалась также – казалось, будто она опьянена жизнью и всем, что ее окружает. Может, это и собирало вокруг нее огромное количество последователей и поклонников, да и количество мужчин, желавших добиться ее расположения, с каждым годом только увеличивалось.

Единственное, с чем не могли справиться ее волшебные чаи из трав, это мои странные и пугающие сны. Они появились, когда мне было лет пятнадцать, и с тех пор приходили все чаще. Иногда я даже лунатила – ходила во сне, а на утро обнаруживала себя лежащей на полу в гостиной или сидящей за столом на кухне. Правда, в последнее время все изменилось: я познакомилась с бессонницей. Казалось, организм изо всех сил стал противиться расслаблению и отходу ко сну.

Целебные чаи тети обычно помогали проспать до утра, но в дополнение к ним я вынуждена была изматывать себя вечерними и утренними пробежками. Эти странные сны наводили на меня ужас, но их отсутствие – оно напрочь лишало сил. Так что выхода у меня не было.

Плюс переезда состоял в том, что здесь, в Реннвинде, могли найтись ответы и на эти вопросы. Что означали мои сны? И что конкретно я видела: ничего не значащую мать, чье-то прошлое или, может, собственное будущее?

Несмотря на то, что я отказалась от вечерней пробежки, мне удастся задремать почти сразу – прямо в кресле-качалке бабушки. Я почти проваливаюсь в сон, когда телефон извещает, что на почту пришло уведомление. Достая его и пялюсь на экран: «Гимназия Хемлиг города Реннвинд готова зачислить вас в число учеников, просим подойти с оригиналами документов на собеседование». Вижу число и время и понимаю, что это уже завтра утром. Но даже сей факт не способен выдернуть меня из надвигающегося сна. Бессонница решает дать мне передышку – как не воспользоваться этим подарком?

Я убираю телефон в карман, поднимаю воротник куртки и закрываю глаза.

Глава 3

По окнам громко хлещет дождь, барабанит, ударяется о стекло тугими каплями, но этот звук доносится до меня, словно сквозь пелену. Все мое тело сковано, и я не могу пошевелиться. Только слышу, как что-то холодное крадется ко мне во тьме.

Пытаюсь кричать, но тщетно.

Из сдавленного горла рвется лишь тихий всхлип.

– Кто ты? – Наконец, спрашиваю я.

Ощущение чьего-то присутствия не отступает.

– Ты, ты, ты... – Вторит мне эхом пустота.

А затем я поднимаю голову и вижу на небе сразу две луны. Они плывут в сером мареве неба, точно в мутной воде – друг другу навстречу. Потом одна из них заходит за другую, и они становятся единым целым.

Я вижу черного ворона, воинственно раскинувшего крылья на фоне круглого двулунного диска, он издает пугающий крик, и блуждающие во тьме леса огни стремительно взмывают к небу.

Последним, что мне удастся рассмотреть, перед тем, как провалиться в реальность, становится лицо водителя автобуса: он больше не улыбается мне, глаза мужчины полны ужаса, он будто видит что-то страшное перед собой. Мне тоже хочется увидеть это, но я не успеваю – подскакиваю и распахиваю глаза.

Где я?

Оглядываюсь.

Кресло-качалка, камин, в окно уже брызжут рассветные лучи.

– Господи...

Я все еще тяжело дышу, мое тело покрыто липким потом, но осознание того, что все кончено, и наступило утро, позволяет расслабиться. Правда, приложив ладонь к лицу, я вдруг ощущаю что-то горячее над верхней губой. Трогаю пальцами, отвожу руку – кровь. Опять носовое кровотечение. Мои кошмары все чаще стали ими сопровождаться.

Я встаю и подхожу к окну.

Над красными крышами домов стелется белый, точно молочная пена, туман. Вершины вековых сосен мягко подрагивают в такт утихающему ветру. Реннвинд на рассвете кажется спокойным и умиротворенным, но это спокойствие может оказаться лишь уловкой затаившегося и готовящегося к прыжку дикого зверя.

Я развожу огонь в камине, беру полотенце и медленно бреду в ванную комнату. Внутри чисто и скромно. Приблизившись к зеркалу, я стираю с него пыль пальцами, и в первую секунду почему-то не узнаю себя. Дело не в засохшей полоске крови под носом, и не в усталом взгляде – на мгновение мне вдруг кажется, что это бледное лицо не мое, а чье-то другое. И на этом чужом лице черным вспыхивают пустые дыры-глаза.

– Ох... – выдыхаю я, едва картинка проясняется.

Не зря мне постоянно снятся чьи-то грубые руки, что хватают меня, связывают веревки на моих запястьях, а затем втыкают мне длинные иглы в вены. Если все продолжится в том же духе, то самое место мне в психушке, где регулярно колют пациентам седативные препараты.

Я поворачиваю кран, тот кряхтит, плюется, но вскоре оживает и подает мощную струю. Когда вода согревается, я лезу под душ и закрываю глаза. «Все хорошо, все образуется». Но сколько не уговаривай себя, от реальности не сбежишь – мне одиноко и страшно.

Приняв душ, я надеваю беговой костюм и иду на кухню.

Вязаные коврики на полу и полотенца с узорами создают уют в этом маленьком помещении. Отыскав чайник, я мою его, наполняю водой и ставлю на плиту. Снова смотрю в окно:

ветер треплет лозы вьюнка на кованой ограде, играет листьями деревьев по краям дорог. Мои пальцы мягко тонут в вязаном ковре, и я представляю, каково это – родиться здесь, вырасти, быть частью этого мира.

Когда вода закипает, я выключаю чайник и беру кружку. Она довольно глубокая, пузатая и, кажется, раскрашена вручную: на ней изображена мордочка медведя. Толстый мишка улыбается мне. Возможно, моя бабушка пила из этой кружки по утрам. Или это была мамина кружка?

Я достаю из сумки бутерброды и выкладываю на тарелку. Обычно я завтракаю после пробежки, но сейчас у меня зверский аппетит – этот сон отнял все мои последние силы. Интересно, как далеко отсюда магазин? Нужно срочно набить чем-то холодильник. Моего пособия хватит на оплату школы и коммунальных услуг, а вот на остальное – нет. Хм. Придется искать подработку.

На часах половина седьмого. Скоро тетя вернется в квартиру и обнаружит мою записку. Боюсь даже думать, как она отреагирует?

Но тревога и волнение не могут лишить меня аппетита.

На пробежку я выбегаю спустя пятнадцать минут. Перед тем, как нацепить наушники, прислушиваюсь к звукам. Реннвинд окутан тишиной, словно саваном – даже птицы не поют. Я поднимаю голову и с удивлением наблюдаю парочку из них, кружащих в вышине. Похоже, это голуби, и они выглядят потерянными, сбившимися с пути. Кружат, кружат, хаотично мечутся туда-сюда, потеряв ориентиры.

Надев наушники, я ускоряю шаг, а затем перехожу на бег.

Красота здешних мест то и дело заставляет меня сбавлять темп, чтобы полюбоваться зданиями: современные дома, некоторые стены которых заменяет стекло, вполне гармонично соседствуют со старинными каменными особняками с готическими башенками.

Вокруг очень чисто, ухоженно, даже асфальт блестит – хотя, это, возможно из-за прошедшего ночью дождя. Но все великолепие рук человеческих не идет ни в какое сравнение с величием здешней природы: колышущиеся на фоне горных пиков верхушки деревьев буквально завораживают своим танцем.

В школу я прибываю незадолго до восьми. Дорогу пришлось спросить у местных, и надо признать, все жители Реннвинда, с кем мне довелось пообщаться по этому вопросу, были очень со мной любезны.

Но на будущее я все равно оставляю в уме заметку: нужно узнать расписание школьного автобуса, либо достать где-то велосипед, ведь, похоже, погода в этом городе меняется по пять раз на день, а мне не хочется попасть под ливень или снежный буран за те тридцать минут, пока иду до школы пешком.

– Заблудилась? – Спрашивает меня какой-то рослый парень в свитере с нашивкой-гербом на груди.

Я впираюсь взглядом в этот герб, на котором медведь размахивает секирой, и только потом поднимаю на него глаза. Мотаю головой: «нет». Он смеется, поправляет сумку на плече, а затем бодро взбегает по ступеням и скрывается за массивной дверью.

Я так и продолжаю стоять перед входом под накрапывающим противным дождем и пялиться на старинное здание гимназии Хемлиг, будто вросшем в основание горной породы одной из стен. Ветер дерзко треплет мои волосы, играет подолом юбки, а я пытаюсь представить, как много лет назад по этим ступеням поднималась и моя мать. Интересно, она тоже носила эту строгую форму с гербом-нашивкой?

Вдруг мои мысли прерывает рычание мотора.

Я оборачиваюсь и вижу, как к стоянке, прилегающей к школе, подъезжает блестящий черный внедорожник. Он делает резкий маневр и быстрее остальных вписывается в узкое пространство между другими автомобилями. Его шины визжат, и водители машин, которым повезло меньше, сигналият лихачу. Вряд ли, их гудки произведут хоть какое-то впечатление на обладателя грубой силы.

Вот он уже выходит из машины, лениво хлопая дверцей. Рослый блондин с длинными кудрявыми волосами, убранными в низкий хвостик. Голубые глаза, кажущиеся холодными и бездонными, впечатляющий рост, мощные плечи и легкая походка хозяина жизни – настоящее олицетворение силы. Красивый и бесстрашный, точно викинг.

Пока парень, закинув сумку на плечо, уверенно движется вдоль стоянки, я представляю, как красиво будут развеваться по ветру его волосы, если их распустить.

– Не пялься так. – Усмехается кто-то.

Я бросаю взгляд через плечо и вижу ту самую девчонку, что подсказала мне вчера дорогу. Сегодня на ней форма гимназии: сдержанная темно-синяя водолазка, жилет, юбка до колена и черные лоферы. И только полосатые гольфы и украшенные десятками заколок волосы выдают бунтарский дух.

Я спешу отвернуться и вижу, как от компании стройных девиц в коротких юбочках отделяется высокая блондинка с идеально прямыми волосами и стопкой учебников, зажатой подмышкой. Она влетает прямо в объятия викинга, и тот... впивается ей в губы поцелуем. Это не правильно, но в этот момент я думаю о том, каково это – целовать его? И размышляю, побегут ли мурашки по моей спине, если он обнимет меня вот так, по-хозяйски, за талию?

Они идут вместе по направлению к входу, и парень внезапно поворачивается ко мне. От его неприязненного взгляда мне вдруг становится не по себе.

«Не пялься так» – звенит в голове голос девчонки.

И, словно очнувшись ото сна, я резко втягиваю носом прохладный воздух, поднимаюсь по ступеням и спешно вхожу в здание вслед за ними.

Кабинет с надписью «Директор» в узких коридорах с высокими потолками мне удастся найти без труда.

– Присядьте. – Подсказывает мне секретарь.

Я опускаюсь на скамейку и вижу напротив себя здоровяка.

Парню лет семнадцать-восемнадцать, его темные волосы коротко пострижены, черты лица заострены, и наглая ухмылка на их фоне лишь подчеркивает крутой нрав. Он сидит, ссутулившись и нарочито бесцеремонно вытянув ноги. Незнакомец будто спит, его глаза прикрыты, но я точно уверена, что сейчас он смотрит прямо на меня.

Я тоже не тушуюсь: открыто разглядываю его крепкую фигуру, белые кроссовки, мятые брюки и выглядывающую из выреза косухи светлую джерси с гербом школы.

Голубоглазый викинг держался точно элита этого заведения: грубоватый, знающий себе цену, но ухоженный, а этот – этот чистый бунтарь. Такому точно плевать, как на него посмотрят, и что подумают.

Я сканирую глазами его фигуру, сильные руки и затем вдруг вижу ухмылку на губах – значит, заметил мой интерес. Точно – смотрит мне прямо в лицо. Мне становится неловко, но вида не подаю: стойко выдерживаю его взгляд.

«Глаза у него карие, – отмечает мозг, – хитрые, но добрые».

– Микаэль Линдстрём, – слышится голос секретаря.

Брюнет поднимается со скамьи и подмигивает мне. Провожая его взглядом, я гадаю, отчего все парни в этой гимназии такие рослые и крепкие? Может, они из школьной команды по хоккею? Или у них здесь популярна гребля?

А когда он выходит из кабинета, мы снова встречаемся взглядами. Парень подходит к столу секретаря и протягивает ей какую-то бумагу. Та выглядывает из-за него и приглашает меня:

– Линнея Остлунд, можете войти.

– Спасибо, – киваю я.

И пока направляюсь в кабинет директора, остро чувствую на себе взгляд парня в косухе.

Глава 4

– Линнея. – Директор, женщина лет сорока, приветствует меня сдержанной улыбкой. – Меня зовут Клара, я – руководитель этого заведения. Присаживайся. – Она указывает на стул, а сама садится на свое кресло.

– Здравствуйте. – Киваю я, опускаясь на стул и сжимая пальцы на ремне сумки.

Стараюсь держать спину прямо и не нервничать.

– Так, значит, ты из Флодберга?

– Да.

– Большой город. – Женщина заправляет за ухо жесткую темную прядь.

Ее прическа – волосы до плеч, стоящие колом, будто их отутюжили и закрепили стойким лаком. Плечи директрисы расправлены, спина – точно гладильная доска, вся ее поза, каждое движение рук говорит о том, что она прямолинейна, тверда и любит конкретику в любых отношениях.

– Моя мама родом из Реннвинда. – Произношу я, разглядывая ее жакет.

На нем ни единой складочки, он так же идеально выглажен, как и ее прическа.

– Карин Остлунд? – Кивает она. – Да, я успела просмотреть твои бумаги. Кстати, ты принесла оригиналы?

– Да, конечно. – Я достаю из сумки и протягиваю ей документы.

– Мы с ней были знакомы. – Впиваясь взглядом в папку с бумагами, сообщает Клара.

– Правда?

– Не близко. У нас было всего несколько общих предметов в школе. – Она быстро листает бумаги, пробегается глазами по строчкам. – Кстати, где твой опекун, Линнея? Кажется... Ингрид? Ингрид Свенссон? Они с Карин, кажется, были подругами?

– Да, тетя Ингрид воспитывала меня с рождения.

– И когда она подойдет? – Директриса поднимает на меня взгляд и прищуривается. – Нужно, чтобы твой опекун подписал все нужные бумаги и составил заявление.

У меня пересыхает в горле.

– Она... Тетя сейчас занята переездом. Столько коробок, вещей... Сегодня Ингрид руководит разгрузкой мебели в доме.

– Вы заселились в дом Вильмы?

– Э... да.

– Хорошая была женщина. Соболезную.

– Спасибо. – Я опускаю глаза.

Странно принимать соболезнования в смерти того, кого ты никогда не знал.

– Так когда мне ждать твою тетю?

Её испытующий взгляд буквально вгрызается в мое лицо. Только бы не покраснеть.

– Я думаю, она подойдет на неделе... – бормочу я, вдавливая ногти в ладони.

– Отлично! – Губы Клары вытягиваются в тонкую ниточку.

И я впервые замечаю хоть что-то неидеальное на ее лице: когда женщина натянуто улыбается, ее лоб заполняется тонкими складочками морщин.

– Добро пожаловать в гимназию Хемлиг. – Директриса захлопывает папку с моим делом.

– Спасибо.

– Думаю, ты можешь приступить к учебе прямо сейчас. – Вдруг выдает она. – Секретарь выдаст тебе твоё расписание, а насчет учебников и школьной формы подойдешь к менеджеру учебной части на цокольный этаж.

– Прямо сейчас?

К этому я не была готова.

– Конечно! А чего ждать?

– Х-хорошо. – Нехотя киваю я.

– Тогда ступай. – Клара склоняет голову набок, и ее прямые волосы отклоняются от шеи ровно под прямым углом.

– Спасибо. – Говорю, поднимаясь.

– И кстати. – Останавливает она меня.

– Да?

– Я видела в твоём деле отметку о предписании посещений психотерапевта. – Ее глаза с подозрением сужаются.

– Да... – Признаюсь я. Мой мозг отчаянно ищет решение, ведь те назначенные десять обязательных сеансов я так и не прошла: все закончилось еще на первом приеме, когда специалист стал подозревать у меня галлюцинации и искать признаки диссоциативного расстройства личности. – У меня было расстройство сна. – Объясняю я. – Большой стресс, сильная нагрузка по учебе и, как следствие, бессонница. Но все уже прошло.

Клара кивает и участливо улыбается.

– Школьники частенько перегружают себя, понимаю. – Она встает, чтобы проводить меня до двери. – Но тебе придется посетить школьного психолога, Линнея. Не переживай, это просто формальность, все новенькие проходят через это. Просто беседа по душам, и все.

– Я понимаю. – Соглашаюсь я, но не удерживаюсь от короткого вздоха.

– Микаэль! – Зовет она, открывая передо мной дверь.

Я делаю шаг и почти наталкиваюсь на коротко стриженного брюнета в косухе.

– Да? – Отзывается он.

На его губах появляется подобие добродушной улыбки. Или он только хочет казаться доброжелательным?

– Микаэль, это Линнея, она новенькая, помоги ей с расписанием и покажи тут все.

– Без проблем. – Хитрые глаза довольно сужаются.

Дверь закрывается, и мы стоим друг напротив друга, не зная, что и сказать. Вернее, этот парень знает, но почему-то выжидает. Очевидно, ему нравится наблюдать мою растерянность.

– Так, значит, Линнея? – Он протягивает руку.

– Нея. – Пожимаю ее. – А ты Микаэль?

– Микке. – Улыбается он.

У него приятная улыбка.

– Ваше расписание. – Выдергивает из принтера еще горячий лист секретарь и подает мне.

– Посмотрим, что там. – Перехватывает его парень.

– Это *мне* дали, вообще-то. – Пробую протестовать я.

– Идем, а то опоздаем на урок. – Буквально выпихивает из приемной меня Микке. – Мой лимит опозданий на этой неделе и так превышен.

– Подожди. – Останавливаюсь я.

Но тут же получаю тычок в спину – парень толкает меня локтем, не отрывая взгляда от листка. Он с интересом изучает мое расписание.

– У нас будет три общих предмета, новенькая. – Сообщает Микке.

Мне приходится продолжить движение, чтобы избежать еще одного тычка в спину.

– Можно я тоже взгляну?

– Поторопись, уже звонок.

– Я не слышала звонка. – Хмурюсь я.

И тут над нашими головами разносятся короткие, отрывистые сигналы, приглашающие учеников на урок.

– Вот. – С умным видом поднимает палец Микке.

– Это что, интуиция?

– Это часы. – Усмехается парень.

Вытягивает руку и показывает черный корпус часов на запястье.

– А-а-а... – Тяну я.

Оставшиеся в коридорах ученики ускоряют шаг, почти каждый из них останавливается на мне взглядом – еще бы, я тут единственная, кто не одет в форму.

– Держи. – Микке возвращает мне лист.

Я еле поспеваю за ним, но все же пытаюсь разглядеть на бегу расписание.

– География? – Читаю в первой графе на этот день.

– Да, кабинет двадцать восемь. – Указывает парень.

– А у меня ни учебника, ни ручки.

– У меня тоже. – Усмехается он. – Не переживай, раздобуду.

И останавливается у двери одной из аудиторий так резко, что я врезаюсь в его спину.

– Черт.

– Осторожнее. – Микке оборачивается и подхватывает меня под локоть.

Я поднимаю взгляд и вижу, как в ту же аудиторию входят блондин со своей пассией. Он смотрит сквозь меня, а вот девушка, медленно проплывая мимо и пользуясь случаем, высокомерно оглядывает меня с ног до головы.

– Кто это? – Осторожно спрашиваю я, когда они скрываются в дверях аудитории.

Микке явно не по вкусу мой интерес к этой парочке, он подталкивает меня к двери. Мы входим, и преподаватель сразу привлекает ко мне всеобщий интерес:

– Ого, да у нас тут новенькая!

– Здравствуйте. – Останавливаюсь я.

– Как вас зовут? – Он расплывается в улыбке.

Теперь ко мне прикованы взгляды всех присутствующих.

– Нея Остлунд, – отвечаю я, обводя взглядом класс.

Блондин бросает на меня скучающий взгляд и тут же отворачивается. Он сидит в среднем ряду с парнями, а вот его девушка – ближе к окну, в окружении других девчонок. Они хихикают и перешептываются, и их поведение заставляет меня опустить глаза и проверить, все ли в порядке с моей одеждой. Не считая слегка запыхавшихся по дороге туфель, выгляжу я вполне себе ничего.

– Очень приятно, а я Андерс. – Представляется учитель. – Нея, займи любое место, какое тебе больше нравится.

– Спасибо.

Я смотрю на аудиторию и вижу, как Микке жестом приглашает сесть рядом с ним. Меня не нужно долго упрашивать: мне сейчас так неловко, что я готова сесть с любым, кто мне хоть сколько-нибудь знаком.

– Держи. – Подает мне шариковую ручку парень, едва я опускаюсь на сидение рядом с ним.

– Где ты ее достал? – Мои глаза округляются.

Мы только вошли, а он уже раздобыл у кого-то все необходимое.

– Учебник. – Говорит Микке, доставая сложенное в трубочку учебное пособие из внутреннего кармана.

– Но...

– Магия. – Улыбается он.

Снимает куртку и вешает на спинку стула. В этот момент я отмечаю, что тонкое джерси с эмблемой гимназии ему очень идет.

– Значит, ты волшебник? – Деловито интересуюсь я.

– Фокусник. – Шепчет мне на ухо Микке, потому что урок уже начался.

От его шепота по шее бегут мурашки.

Мне так неловко, что я вжимаю голову в плечи и уставляюсь на преподавателя. Мои уши неумолимо краснеют. На лицо пробирается глуповатая улыбка, но в эту секунду я ловлю на себе неприветливый взгляд викинга. Парень обернулся специально, чтобы посмотреть на нас? Но не успеваю я внутренне ответить самой себе на этот вопрос, как он отворачивается.

А, может, померещилось?

Я поворачиваюсь на шепот, доносящийся с соседнего ряда: блондиночка с подружками продолжают меня обсуждать. Их интерес более явный, чем его.

Заметив мое внимание, блондинка ухмыляется. И только ее подружка, шатенка с розовой заколкой в волосах, сидящая рядом, посылает мне приветственную полуулыбку. Я не знаю, как реагировать, поэтому отвечаю полукивком.

– Бьорн Хельвин. – Шепчет Микке.

– Что? – Поворачиваюсь к нему.

– Ты спросила, кто этот тип. Я отвечаю: Бьорн Хельвин. Редкий сноб и показушник, так что даже не думай. Он считает, что такие, как мы, не ровня таким, как он. Хельвины – из первых поселенцев Реннвинда, древний знатный род, и все такое. Так что самомнение у них до небес.

– Вижу, вы не особо ладите. – Замечаю я, разглядывая широкие плечи и затылок Хельвина.

Его светлые волосы так красиво завиваются на кончиках, что я не могу это не отметить.

– Что ты, мы в одной команде по гандболу. – Говорит Микке безэмоционально.

– Значит, соревнуетесь в ней за место лидера?

– Ему со мной тягаться бесполезно. Как только Хельвин перестанет жрать стероиды, сразу сдуется.

Микке так забавно дергает плечом, что за одним этим его движением я вижу и долгое противостояние двух парней, и историю их спортивного соперничества, и раздражение, вызванное, возможно, и межклассовыми различиями, ведь мой сосед по парте простоват и довольно открыт, а блондинчик явно ощущает себя чертовски важным, крутым и богатым.

– А эта? – Спрашиваю я, кивая в сторону пассии Хельвина, которая продолжает время от времени бросать на меня короткие взгляды.

– Лена Сандберг. – Отвечает Микке. – Его девушка, и, наверняка, поэтому ощущает себя привилегированной особой. Лезет из штанов, чтобы удержать Хельвина. – Он придвигается ближе. – Думаю, она сделает все, чтобы его интерес не переметнулся к какой-нибудь другой девушке. Например, к хорошенькой новенькой.

– Так я хорошенькая? – Ухмыляюсь я.

– Я что, сказал это вслух? – Его брови поднимаются, затем опускаются.

Боже, да это ничем неприкрытый флирт! А я всего лишь полчаса в этой школе.

– А это что? – Задеваю пальцем его запястье.

На пару секунд рукав его джерси приподнялся, и я успела заметить на его коже надписи. Похоже, он сделал их шариковой ручкой.

– Ничего. – Микке быстро натягивает рукав обратно.

– Ладно. – Хмыкаю я.

Зато теперь мне известно о нем немного больше: у этого парня плохая память, раз он пишет на собственных руках.

Несколько уроков пролетает незаметно. Я почти ориентируюсь в старинном здании школы: сверяюсь со списком из расписания, нахожу кабинет, жадно слушаю лекции, делаю заметки в телефоне. Мы больше не встречаемся ни с Микке, ни с Бьорном, но все ребята, которые попадают мне на занятиях, кажутся доброжелательными. С некоторыми мы даже находим общий язык.

На уроке спорта и здоровья мне приходится бегать в носках – нет с собой кроссовок. Из всей толпы девчонок я выхватываю сочувственный взгляд цыганки: ей тоже не по нраву все эти упражнения с мячом, прыжки, толчки и приседания. У нее хмурый вид, и она, кажется, мечтает только об одном – сбежать отсюда подальше.

В соседнем зале слышатся громкие голоса парней: идет тренировка по гандболу. Я задерживаюсь, пока девушки идут в душевую, и смотрю через щелку в двери на игру. На самом деле, просто стесняюсь идти в душевую со всеми. У меня нескладная фигура, тощая, угловатая – и если уж они смеялись над моей одеждой, то что будет тут?

Мое подглядывание прерывает преподаватель по спорту:

– Иди, сполоснись, Нея. – Она вручает мне чистое полотенце, упакованное в полиэтилен.

– Благодарю.

Избавив полотенце от пленки, я прижимаю его к груди и плетусь в раздевалку. У мужской и женской общий холл, хорошо хоть сами раздевалки и душевые отдельные.

Раздевшись и войдя в помещение душевой я не без удовольствия обнаруживаю перегородки между смесителями. Занимаю свободную кабинку, включаю воду и вижу, как мимо, вытираясь, проходит та самая Лена: похоже, ее совершенно не заботит собственная нагота, и даже наоборот – она плавно покачивает бедрами, демонстрируя завистницам идеальную фигуру.

Ее подружки выходят следом, и до меня доносится противное хихиканье. Вскоре я замечаю, что осталась в душевой одна. Выдыхаю с облегчением: все-таки, я не из тех, кто рад повышенному вниманию посторонних.

Быстро сполоснувшись, вытираюсь и выхожу в раздевалку. Пол влажный и скользкий, а у меня нет даже тапочек. Двигаюсь осторожно. В раздевалке уже никого нет. Хорошо, что спорт был последним уроком – не нужно никуда торопиться.

Я подхожу к шкафчику и застываю в изумлении. *Моей одежды нет!*

Но ведь я оставляла ее здесь? Да, точно здесь – в этом шкафчике!

Но в нем пусто.

Я обхожу всю раздевалку, открываю все ящики и шкафчики поочередно, но все они пусты.

Меня берет отчаянная злость. Будь они неладны, эти тупые курицы! Дайте мне только до них добраться, и я выдерну все их блондинистые перья!

Подобравшись на цыпочках к двери, я выглядываю в узкий холл. Пусто. Зато на глаза попадает висящий у выхода халат – то, что нужно, чтобы добраться, хотя бы, до тренерской и пожаловаться преподавателю на воришек.

Оглядевшись по сторонам и убедившись, что в холле никого нет, я прижимаю полотенце к груди: его хватает ровно на то, чтобы прикрыть все самое ценное – грудь и то, что ниже, а затем делаю отчаянный рывок – выбегаю и торопливо крадусь к вешалке.

В ту же секунду перед глазами что-то мелькает, и на моем пути вырастает мужская фигура. Мгновение уходит у меня на то, чтобы разглядеть светлые волосы, голубые глаза и понять, что это Хельвикинг, или как его там, и еще одно, чтобы осознать: если не остановлюсь, то врежусь прямо в него!

Ой-ей-ей-ей!

Видит Бог, я подаюсь назад и торможу (отчаянно торможу), но предательские мокрые пятки катятся все дальше и дальше по керамической плитке и буквально вносят меня в объятия этого великана.

Мгновение, и вот я врезаюсь в его могучую грудь – сырая, голая и смятенная!

На заметку: если Лена Сандберг хотела, чтобы ее парень больше не пялился на меня, то ей определенно стоило бы пересмотреть свою стратегию.

Глава 5

– Ой!

От столкновения с его телом, меня отбрасывает назад, но надо отдать парню должное – Хельвин реагирует мгновенно. Подхватывает за талию и тут же возвращает меня обратно – к своей груди. Раз, и крепко прижимает к себе.

Я замираю, и мы в смятении смотрим друг на друга.

Он дышит часто, а у меня не получается сделать и вдоха, но не потому, что руки Бьорна держат меня слишком крепко: просто весь воздух моментально будто покидает помещение, и в нем остаемся только мы.

Надо же... Я не знала, что его глаза вблизи еще ярче.

Они похожи на лазурь, растекшуюся под тонкой корочкой прозрачного льда.

Раньше голубые глаза казались мне мутными, неживыми, но эти... они – сама жизнь. Кажется, что через них на тебя смотрит душа, и она совсем не похожа на ту оболочку из высокомерия, в которую завернут сам Хельвин. В ней гораздо больше огня, чем колючего холода.

Короткое мгновение будто застывает в вечности, пока я разглядываю его светлые ресницы, широкие брови, его прямой, но не узкий нос, и красивые, полные губы. Даже успеваю подумать о том, что спустя годы этому здоровяку пойдет борода. И сглатываю, ощутив его свежее, мятное дыхание.

Но тут он вдруг моргает, и магия рассеивается.

Пропустив сразу несколько ударов, мое сердце резво заводится и начинает отчаянно колотить в грудь изнутри. Теперь я чувствую и горячую руку парня на своей спине и жар, идущий от его тела.

Мне хочется отстраниться, потому что это прикосновение обжигает. Но Хельвин держит так крепко, что, похоже, будто ему это нравится, и он не собирается меня отпускать.

– Прости. – Я пытаюсь подхватить полотенце, которое опустилось достаточно низко, чтобы приоткрыть взору округлые полушария груди, но не могу протиснуть между нами даже руку, чтобы это сделать.

Глаза парня медленно сужаются и вдруг расширяются шире. А затем уголки его губ ползут вверх в насмешливой ухмылке.

– А ты шустрая. – Усмехается он мне в лицо. Его голос стелется низким бархатом, от которого у меня немедленно слабеют ноги. – Обычно у меня уходит несколько дней на то, чтобы уговорить девушку раздеться!

Я вспыхиваю от возмущения.

Да как он смеет!

И вообще, если кто-то сейчас войдет и застанет нас двоих в этом недвусмысленном объятии, (а мою задницу во всей красе), то будет еще неприятнее, чем просто выслушивать от него эти пошлости.

– Я не специально! – С возмущением бросаю я и, дернувшись, выскользываю из его объятий. – И я не прыгаю обнаженная на первых встречах! Просто так вышло!

Мне с трудом удастся отделиться от него, не уронив полотенце и не обнажив при этом самые интимные части тела.

– Значит, я у тебя первый? – Бессовестно разглядывая меня, продолжает ухмыляться викинг.

– У меня украли одежду! – Рассказываю я.

Хочу всплеснуть руками и чуть не теряю чертово полотенце.

– Занятная история. – Смеется он.

Я начинаю пятиться, но снова поскользываюсь и чуть не валюсь спиной назад. Хельвин и тут успевает среагировать вовремя – подхватывает меня под локоть.

– Осторожнее. – Хмурится он.

Неужели, теперь я вижу в его взгляде участие?

– Спасибо. – И опускаю глаза, чтобы убедиться, что полотенце все еще на месте.

Мое тело подрагивает от холода и покрывается гусиной кожей.

От холода ли?

Этот парень все еще пристально смотрит на меня, и от этого мысли путаются.

– Что, значит, украли? – Его низкий голос прокатывается волной по пустому холлу между раздевалками.

– Я вышла из душа, а ее нет. Ничего нет! Ни юбки, ни кофты, ни тру... Ничего! – Отвечаю сишло и стискиваю челюсти от обиды. – Нормальные у вас тут порядки, ничего не скажешь!

– Думаю, это часть посвящения для новичков. – Говорит Бьорн и бросает взгляд на дверь, ведущую в общий коридор. – Не расстраивайся. – Он быстро скидывает с плеча свою сумку, бросает ее на пол, затем снимает с себя пиджак и накидывает на меня. – Держи.

Затем парень наклоняется, поднимает сумку, надевает ее на плечо, подходит ко мне почти вплотную и поправляет на мне пиджак.

Ох...

Этот запах, идущий от его одежды, наша близость и сильные пальцы, осторожно касающиеся лацканов пиджака – от всего этого у меня кружится голова.

– Я... – Мои губы дрожат.

– Потом отдашь, а сейчас я должен вернуть твою одежду.

Когда я, пытаюсь удержать полотенце, несмело поднимаю на него свой благодарный взгляд, в моих висках начинает остервенело стучать пульс. И все из-за уродливого шрама на его щеке, который внезапно бросается мне в глаза.

Это он! Он! *Тот, кого я видела вчера недалеко от площади под деревом.*

– Посиди пока в раздевалке. – Хмуро говорит Бьорн, перехватив мой испуганный взгляд. – Как тебя? Нея?

– Да. – Киваю.

Он быстро разворачивается и идет к двери.

– А ты...

– Ты уже знаешь, как меня зовут. – Жаль, я не вижу его лица в этот момент. – Разве нет? Парень будто торопится покинуть помещение.

Он выходит, дверь за ним хлопает, и я вздрагиваю.

Из коридора до меня доносятся голоса: его, мужской, недовольный, и высокий женский, пытающийся оправдываться.

Я ухожу обратно в раздевалку и, кутаясь в пропитанный мужским парфюмом пиджак, прислоняюсь к холодной стене. Снова вспоминаются эти жуткие желтые глаза, светящиеся во тьме. Что с этим парнем не так? Кто он такой? Почему от него исходит столь явное ощущение опасности?

Я выпрямляюсь, когда слышу торопливые шаги в холле. Через мгновение в раздевалку входит шатенка с заколкой в волосах.

– Привет. – У нее в руках мои вещи. – Прости, что так вышло, ладно? – Мнется она. – Глупая шутка...

– Дай сюда. – Я выхватываю из ее рук свою одежду, пакет с бельем и сумку и начинаю лихорадочно одеваться.

Пиджак Бьорна летит на скамью.

– Тебе помочь? – Девчонка неуклюже переминается с ноги на ногу.

– Нет.

– Не злись... – Она подходит ближе и опускается на скамейку рядом. – Лена иногда бывает жестокой, но это не со зла. Она... просто настороженно относится к чужакам.

– Хм. – Я мечу в нее издевательский взгляд.

– Я – Лотта. – Она с улыбкой протягивает мне руку.

Подумав, я жму ее.

– Нея.

По понятным причинам опускаю дежурные слова про приятное знакомство и застегиваю молнию на юбке.

– Ты уже получила форму и учебники? – Интересуется девушка.

– Не успела.

– Тогда позволь тебе помочь. – Ее улыбка кажется искренней. – Так сказать, в знак примирения.

– Хорошо. – Соглашаюсь я. – Все равно не знаю, куда за ними идти.

– Отлично! – Подскакивает она.

Я закидываю сумку на плечо.

– Пошли.

– А это? – Девчонка косится на пиджак.

– Точно. – Поднимаю его и перекидываю через сумку. – Нужно будет передать хозяину.

Мы выходим в коридор. Я ожидаю увидеть лицо ехидной Лены и сказать ей пару ласковых, но вместо нее вижу лишь толпу других студентов, оживленно беседующих с полицейским.

– Что-то случилось? – Интересуюсь я у Лотты.

Она с опаской косится в сторону служителя закона.

– Вчера пропала Стина Мёллер. – Шепчет она. – Не вернулась домой после праздника весны. Полицейский опрашивает всех, кто общался с ней.

Мы проходим дальше, и я вижу, как помощник инспектора клеит на доску объявлений листовку о пропаже девушки. Ее лицо не кажется мне знакомым, но ниже в глаза бросаются строчки: «Кристина Мёллер. В последний раз видели на городской площади на празднования в честь прихода весны. Была одета в ярко-желтое платье и красные туфли. Если вы ее видели или обладаете какой-либо информацией, просим сообщить...».

И тут меня прошибает холодный пот.

– Им стоило бы поговорить о ней с Хельвином. – Но я почему-то не произношу этого вслух.

Глава 6

Вернувшись в дом, я сразу приступаю к уборке. Стираю пыль с ветхих шкафов на кухне, мою пол и чищу ковер в гостиной, затем бережно перебираю книги на полках и прислушиваюсь к запахам выцветших желтых страниц.

Вряд ли кто-то другой, здравомыслящий, стал бы заниматься подобной ерундой, но я нахожу это занятие увлекательным: поглаживая корешки книг, фантазирую о чем могли думать люди, которые читали эти книги, чем они в этот момент жили. В частности, моя бабушка и мать – я не знала ни одну из них.

Уборка на кухне отнимает у меня много времени. Другая девчонка с удовольствием потратила бы его на что-нибудь лучше: например, на чат с подругами, уход за собой или подгонку новой формы по фигуре, но я намеренно не спешу заканчивать.

Тяну время, чтобы потом подняться наверх и войти в спальню моей матери: уверена, что она именно там. У меня ощущение, что я была в ее спальне. Если не в реальности, то однажды во сне.

Не знаю, почему это чувство буквально преследует, но со мной такое бывает часто. Чем бы ни были эти сны: наваждением или безумием, я ощущаю, что доля реальности в них есть. И они точно не плод моего воображения, они – что-то большее.

Наконец, покончив с влажной уборкой, я загружаю купленные продукты в холодильник и включаю его в розетку. Он начинает мерно урчать, а я мою в раковине руки и медленно поднимаюсь по скрипучей деревянной лестнице вверх.

Где-то на задворках моего сознания топают детские ножки: кто-то резво сбегает вниз по этим ступеням. Та-та-та-ра-та-та-та! «Осторожнее, Карин! – предупреждает женский голос из кухни. – Не упади!»

Это тоже из снов?

Или я медленно схожу с ума?

Замерев у дверей одной из спален, я втягиваю носом спертый воздух. Только через минуту у меня хватает смелости войти внутрь. Дверь под нажимом ладони открывается, и я вижу стандартную спальню: кровать, прикроватная тумбочка, платяной шкаф. Никаких изысков, бледно-желтые обои в цветочек, шторы аккуратно прихвачены старомодной атласной лентой, в воздухе едва уловимый запах лаванды – очевидно, от саше, которые обычно хранят в шкафах, как средство от моли.

Значит, не угадала. Это спальня бабушки.

Иду к следующей комнате, толкаю дверь, и тут мое сердце щемит. Нет, не от того, что я узнаю комнату, которую видела во сне – это помещение мне совсем не знакомо. А от того, что вдруг понимаю: это комната молодой девушки. И вещи в ней не тронуты. Наверное, все здесь так же, как и было в тот день, когда она покинула этот дом. Будто время остановилось и с тех пор не шло.

Я вхожу и осматриваюсь.

Вместо обоев на стенах нарочито небрежно нанесенная штукатурка, наспех покрытая белой краской и завешанная различными рисунками – карандашными эскизами, акварельными пейзажами и пастельными зарисовками природы. Неужели, моя мать когда-то рисовала?

В углу компьютерный стол и кресло на колесиках, на столе горой навалены книжки, журналы, а у покрытого пылью старого компьютера валяются объемные наушники, блеск для губ и вскрытая упаковка жевательной резинки, которую производили лет так двадцать назад.

Я долго изучаю каждый предмет интерьера и каждую вещь, принадлежавшую моей матери.

Судя по ним, в душе она была совсем еще ребенком, когда покинула отчий дом: на кровати, навалившись на подушку, сидит плюшевый мишка с пуговками вместо глаз, на полях тетрадей и в ежедневнике выведены сердечки и слова из романтических песен, а закладками служат фантики от шоколадных батончиков.

Я рассматриваю ее давно засохший лак для ногтей с блестками, розовую расческу, цветные гольфы в ящичке комода, платя в шкафу и пришедший в негодность, но зачем-то бережно сохраненный на полке, гель для волос. И у меня подгибаются колени, ведь, несмотря на рассказы тети Ингрид, я знаколюсь с мамой впервые именно сейчас. Я будто прикасаюсь к ее руке, смотрю в ее глаза, хотя передо мной лишь то небольшое, что осталось от нее после смерти.

Мне становится трудно дышать, когда вижу синюю клетчатую юбку на вешалке в платяном шкафу. Точно такую же мне выдали сегодня в школе. Могу поспорить, у мамы тот же размер, что и у меня.

Я медленно провожу пальцами по выпуклым цветастым наклейкам с изображенными на них феями из мультфильма, которыми усеяна дверца шкафа изнутри, и останавливаюсь на блестящем стикере в виде сердца.

Посередине него выведена большая буква «А», несколько раз обведенная ручкой. Может, этот «А» и подарил ей эту валентинку на День Всех Влюбленных? Что он для нее значил? А, может, она была в него влюблена?

Я перетаскиваю все свои вещи в эту комнату и бережно развешиваю свои платья и кофточки рядом с мамиными. Так я чувствую себя ближе к ней и ее тайнам. Теперь у меня будет достаточно времени, чтобы перебрать здесь все и проанализировать, достаточно времени, чтобы разобраться во всем.

Примерив форму, я недовольно морщусь. Не знаю, как реагировать на собственное отражение в зеркале – разве где-то в мире еще остались учебные заведения, что обязывают одеваться своих воспитанников в единое несуразное нечто? Но тут же ловлю себя на мысли о том, что эти юбочка, блузка и жилет с нашивкой придают образу некий шарм и заставляют гордо расправить плечи. Если в форме и есть какой-то смысл, то он определенно в том, чтобы дисциплинировать учеников, настраивать их на что-то серьезное, чем нельзя пренебрегать.

Переодевшись обратно в домашнее, я подхожу к окну и чувствую накатывающее волнение. Виной тому не открывшийся вид на холмы вдалеке и на лес, утопающий во всех оттенках зеленого, а маленький домик у границы города и лесополосы – даже отсюда видно черноту в провалах крыши и зияющих дырах его окон.

Там жила тетя Ингрид.

Это ее дом. Он сгорел.

Я проверяю пропущенные на телефоне, но их нет. Она должна была уже вернуться из похода и обнаружить мою записку. А раз не звонила – значит, смертельно обиделась. Это не похоже на Ингрид, но ведь и я прежде никогда не поступала с ней подобным образом.

Засыпая, я слушаю, как завывает ветер.

Что-то поскрипывает в темноте – наверное, потоки воздуха раскачивают стропила. Даже не успеваю подумать о бессоннице, как проваливаюсь в глубокий сон, в котором вижу... Бьорна.

Его волнистые светлые волосы собраны в пучок на макушке, он сидит на стуле и сосредоточенно вглядывается вдаль. Мне страшно, но я подхожу ближе. Хочу привлечь его внимание каким-то словом, но он поворачивается раньше, чем я успеваю открыть рот. Его глаза – точно два желтых отражателя, блестят, возвращая направленный на них свет.

Мне хочется закричать, и я просыпаюсь.

Из носа идет кровь, подушка перепачкана.

В принципе, ничего удивительного в том, что я видела Хельвина во сне: мне часто снятся те, о ком я думаю, и те, с кем сталкивалась в течение дня. И по законам логики это вполне нормально. Но эти жуткие глаза – такие я видела разве что у kota в темной подворотне, они меня пугают. Да что там – от них буквально кровь стынет в жилах. Что это значит, вообще?

Вопросы, вопросы, и ни одного ответа.

Я поднимаюсь, умываюсь и выбегаю на пробежку. По дороге стелется туман, в воздухе пахнет сыростью. Город будто вымер, и только птицы, словно потерянные, продолжают кружиться в вышине, на фоне серых туч, повисших над крышами.

– Тебе идет! – Машет мне Лотта в коридоре школы.

Очевидно, имеет в виду мою форму.

Приветственно машу ей в ответ, и мы расходимся в разные стороны – сегодня у нас общих предметов нет.

День проходит отлично, если не считать похода к психологу, который расспрашивает о моих снах и моей тете. Я отчаянно вру о том и другом, потому что: во-первых, не хочу выставить себя полоумной – это что касается сновидений, во-вторых, не хочу подставить Ингрид.

Собирания трав, долгие отлучки и странноватый бизнес по исцелению души и тела травами, песнями и обращением к земле-матушке, это не то, что красит опекуна в глазах государства, согласитесь?

Но больше всего меня огорчает то, что за целый день я так и не вижу Бьорна. И это вовсе не то, что вы подумали: я не попала под очарование викинга (хотя, и помнила его запах) и даже не думала о нем (хотя, и видела во сне), просто мне нужно вернуть наглицу его пиджак – он, конечно, поступил по-джентельменски, но быть должной я не люблю.

И поэтому после уроков направляюсь напрямиком в спортивный зал.

– Привет, новенькая! – Окликает меня сзади мужской голос.

Я застываю у входа в раздевалки. Оборачиваюсь.

– Микке...

Парень проходится ладонью по ежику своих волос и расплывается в улыбке.

– Заблудилась или пришла посмотреть на тренировку?

Он так забавно играет бровями, что мне тут же хочется ему подыграть.

– Вообще-то, я просто осматривалась, но... если вы играете в коротких шортиках, то я, пожалуй, останусь и взгляну на тренировку.

– Так и знал, что ты такая! – Наклоняется он ко мне.

– Какая? – Тушуюсь я.

– Плохая девочка.

– О, нет, это ты не по адресу. – Толкаю его в плечо.

Если не считать побега в Реннвинд, я – образцовый подросток.

– Да ну? – Подначивает Микке.

– Да-да.

– А... может, сходим сегодня куда-нибудь вместе? – Предлагает он. – Погуляем, посидим в кафе, поедим мороженое? Плохая девочка отказалась бы, но ведь ты...

– Вечером? – Смущенно интересуюсь я.

– Ага. Зайду за тобой в семь, нормально?

– Хорошо.

– Тогда до вечера. – Микке машет мне на прощание и спешит к раздевалке.

– Но я не сказала тебе адрес! – Кричу я вдогонку.

– Это же Реннвинд, детка, – подмигивает парень, оборачиваясь, – труднее найти сигнал сотовой связи, чем дом, в котором поселилась новенькая!

– Вот как. – Улыбаюсь я.

И он скрывается за дверью.

Интересно, если новости в этом городе распространяются так быстро, то в курсе ли местные о том, что произошло вчера в холле между раздевалками, и моем небольшом банном «недоразумении» с Бьорном?

Гадая об этом, иду к входу в зал, улыбаюсь, и как раз в этот момент дорогу мне перегородивает ни кто иной, как Лена, будь она не ладна, Сандберг.

– Ищешь кого-то? – Спрашивает она ехидно и воинственно складывает руки на груди.

Глава 7

Мое сердце камнем падает вниз.

– Вообще-то, да. – Сознаюсь я, медленно скользя взглядом по ее роскошным волосам, по идеально выглаженной форме, острым коленкам, а затем возвращая глаза на лицо девушки. – Но это вряд ли касается кого-то еще.

Натягиваю на лицо улыбку.

Неправильный ответ.

Блондинка морщит нос и дергает плечом. Похоже, она ожидала услышать что-то вежливое или даже заискивающее.

– И кого же? – Лена улыбается, разводя руками. И в ответ на мое молчание тоже расплывается в фальшивой улыбке. – Я всех здесь знаю: может, смогу помочь.

– Я разберусь. – Заверяю я.

– Кстати, мы так и не познакомились вчера. – Девушка протягивает руку. – Меня зовут Лена. А ты...

Неохотно вкладываю свою ладонь в ее, та оказывается холодной.

– Нея.

– Очень приятно. – Она трясет мою руку.

– Угу. – Я высвобождаюсь.

– Слышала о том, что произошло с тобой вчера в раздевалке. – Сочувственно говорит девушка. – Кто-то решил подшутить над тобой и вынес одежду, пока ты принимала душ?

Я прочищаю горло. Если бы мне не было известно, что Лена Сандберг приложила к этому происшествию свою ухоженную руку, то я вполне могла бы и поверить искреннему сопереживанию, написанному на ее лице.

– Ах, это... – Я возвращаю ей насыщенную искусственным радушием улыбку. – Должно быть, тот, кто придумал эту злую шутку, чувствует себя очень умным. На самом же деле, он – полнейший идиот. Если я узнаю, кто это сделал, отплачу: у меня в арсенале тоже имеются жестокие фокусы, которые были в ходу в моей прошлой школе.

Наслаждаюсь произведенным эффектом. Этой Сандберг все труднее удерживать улыбку на своем кукольном личике.

– Да-а. – Тянет она. – Но... не думаю, что эти шутники хотели унижить тебя. Так ведь?

– В любом случае, им повезло, что я была в прекрасном настроении. Мне ничего не стоило задать им хорошенькую взбучку.

– О... – Лена сглатывает.

Ловлю себя на мысли: мне нравится, как нервно подергивается уголок ее губ. Похоже, в битве улыбок теперь перевес на моей стороне.

– Так ты пришла посмотреть на тренировку? – Не даю ей опомниться.

– Вообще-то, да. – Расправляет плечи первая красавица школы. – *Мой парень играет.*

Ну, точно – она гордится тем, что встречается с викингом.

– Хельвин?

– Да.

– Он-то мне и нужен! – Радостно восклицаю я. – Он уже пришел?

– Зачем тебе Бьорн? – Ее брови, точно крылья птицы, взмахивают вверх.

– Нужно вернуть ему одежду. – Улыбаюсь я. – Твой парень был *так любезен* со мной вчера в раздевалке, что одолжил свой пиджак. Тебе повезло с ним, Лена, он – настоящий душка.

Я достаю из сумки пиджак, и девушка уже не может отвести от него глаз.

– Бьорн одолжил тебе...

– Верно. Так он уже пришел? Он в зале?
– Еще... – Она указывает на раздевалки. – Еще в разд...
– Хорошо. Поищу его там. – Хлопаю ее по плечу. – Приятно было поболтать!
– Эй, Нея! – Оборачивается она. – Я могла бы сама передать ему!
– Не хочу тебя нагружать. – Машу ей на прощание. – Заодно еще раз скажу ему спасибо!
Не думала, что будет так приятно оставлять ее стоящую с открытым ртом. Надо будет как-нибудь повторить.

И плевать, что я только что нажила себе настоящего врага. Сомневаюсь, что эта пигалица сможет придумать что-то хуже кражи вещей.

Я вхожу в холл между раздевалками и застываю.

И как ты планировала найти его здесь, Нея? Может, вломишься в полную голых парней раздевалку и потребуешь позвать тебе Хельвина? Или постучишь в дверь тихо, как мышь, и будешь ждать, пока тебе ответят?

Из-за двери доносится гул мужских голосов и смех.

Я прижимаю руку к груди, так и не постучав. Плохая была идея. Нужно было вручить эту чертову тряпку той тупой блондинке и уйти.

Я начинаю пятиться назад, и в этот момент дверь распахивается.

Один за другим из нее начинают выходить смеющиеся парни в яркой гандбольной форме – все высокие и крепкие, как на подбор. Кто-то из них при виде меня улыбается, другие подмигивают, а один шатен останавливается, чтобы, оглядев меня с головы до ног, присвистнуть, но тут же получает толчок в спину от идущего позади.

Это Микке. Подтолкнув шатена, он рычит:

– Подбери слюни, Ульрик! – И притормаживает, чтобы поинтересоваться. – Ты что тут забыла, Нея?

– Да я... Неважно. – Отмахиваюсь.

– Ладно, мне пора. Увидимся вечером! – Микке следом за остальными парнями скрывается за дверью.

Когда вся толпа уходит, я, наконец, набираюсь смелости и заглядываю в приоткрытую дверь. И, конечно же, наталкиваюсь на Бьорна, выходящего в холл.

– О, прости. – Моя рука даже успевает скользнуть по синтетической ткани его футболки.

– Ты? – Викинг застывает со странным выражением на лице.

Клянусь, это либо отвращение, либо страх, замешанный на омерзении.

Он подается назад, и я откровенно теряюсь. Так смотрят на жабу или крысу. Неужели, я вызываю у него подобные чувства? Но почему? Вчера он вел себя нахально и даже шутил.

– Я... – пожимаю плечами. – Вот твой пиджак.

Протягиваю его вещь. Хельвин буквально выдирает ее у меня из рук и швыряет за спину, куда-то в глубину раздевалки.

Теперь он кажется мне рассерженным.

– Спасибо. – Говорю я, втягивая голову в плечи. – За то, что помог... и вообще...

Бьорн склоняется надо мной и впивается взглядом в лицо. Он медленно сжимает пальцы в кулаки и дышит все чаще.

– Бьорн?..

Я смотрю на него снизу вверх и вижу, как наливаются гневом его глаза. Готова биться об заклад, что лазурь в них начинает закипать и, бурля, сменяется сияющей, пугающей желтизной.

– Эй, Бьорн, дружище, ты идешь? – Заглядывает в дверь один из парней.

И золотые отсветы тут же сменяются небесной синевой, точно отхлынувший с берега прибой.

– Да. – Глухо отвечает он.

Бросает на меня последний ненавидящий взгляд, стискивает зубы и убирается прочь, хлопнув дверью.

Я так и остаюсь стоять – в полном непонимании, что это сейчас было. Меня лихорадит, сердце бьется, как оголтелое, и все, что я ощущаю, это настоящий животный ужас, пробирающий до костей.

Не знаю, что ты такое, Бьорн Хельвин, но отныне я буду держаться от тебя подальше.

Даже не представляю, сколько времени проходит после нашего столкновения в раздевалке. Оно производит на меня такое впечатление, что я просто бреду по улице, не разбирая дороги. Мелкая морось сменяется стылой прохладой, и от ледяного дыхания ветра у меня мурашки несутся по спине.

Местные, попадающиеся навстречу, приветливо улыбаются. Похоже, они привычны к такой погоде, а мне вот хочется плотнее закутаться в шарф, которого у меня нет.

Со всех сторон пахнет прелыми травами и хвоей, и только из пекарни доносится аромат свежего хлеба. Можно было погреться внутри, но я иду дальше и сворачиваю на кладбище – оно небольшое, и, возможно, мне удастся отыскать могилу бабушки. Мне хочется хоть с кем-то поговорить, чтобы не свихнуться.

По мерзлой земле стелется белый туман, он так густ, что почти осязаем на ощупь. Я разглядываю старые надгробные плиты, статуи с головами львов и поросшие мхом стены старой церкви. Бреду все дальше меж могил и трогаю пальцами могильные камни – они холодные, но красивые. Это место кажется спокойным и величественным, да и дышится здесь легче, чем в школе, где каждый второй норовит подставить тебе подножку.

Я почти расслабляюсь, осторожно ступая по тропинкам, усыпанным прошлогодней листвой, когда с ветвей старого вяза вдруг срывается стая черных ворон. Это происходит так стремительно и неожиданно, что я невольно вскрикиваю.

– Тише, а то разбудишь мертвых. – Раздается шепот за моей спиной.

Глава 8

Я резко оборачиваюсь.

– Черт!

И хватаюсь за сердце – перепугалась до ужаса.

– Сказала же, не кричи. – Устало выдыхает та самая девица, что в день приезда указала мне дорогу до дома бабушки.

Она прикладывает палец к губам.

Я пытаюсь отдышаться. Дернуло же меня притащиться на кладбище, да еще в такой момент, когда все вокруг укутано туманом и сыростью! Жуть!

– Ты следишь за мной?

Девчонка хмурится и упирает руки в бока.

– Кто? Я?! Вот еще. Зачем мне за тобой следить?

На ней сарафан с эмблемой школы и бежевая водолазка. Ярко-красная удлиненная куртка с оборками, надетая поверх всего этого торжества элегантности, вносит дисбаланс в образ. Не говоря уже о круглых серьгах-кольцах размером с блюдце и двух сиреневых прядях в волосах, которые она наспех подколола ниже пробора, – они смотрятся громоздко и неуклюже.

– А чего ты тогда крадешься за мной? – Спрашиваю я, оглядываясь по сторонам.

На кладбище тихо и пустынно, а эта девица тащится за мной по узкой тропке, хотя правее – вон, целая аллея, иди-не хочу!

– Я-то тут как раз по делу, а вот что ты делаешь одна на кладбище? – Усмехается она.

Ее раскосые глаза вытягиваются в две узких линии.

– Ищу могилу бабушки. Это запрещено?

– Нет, конечно. – Она все еще смотрит на меня с недоверием, а затем решительно протягивает руку. – Ладно, я – Сара.

– Нея. – Представляюсь я.

– Ты знаешь, где искать могилу твоей бабушки, Нея?

Жму плечами:

– Тут не так много надгробий...

– Собираешься обойти каждое? Давай, помогу. – Девушка оборачивается вокруг себя. –

Когда она умерла?

– Этой зимой.

– Так. Значит, нам туда. – Она указывает в сторону леса.

– И как ты узнала?

– Свежие могилы в той стороне, сейчас там хоронят. – Сара сворачивает с тропинки и ведет меня за собой, петляя между памятных плит. – Мама рассказывала, что месяц назад туда на запах мертвечины забрел медведь и разворотил сразу несколько захоронений.

Девчонка так просто болтает об этом, как будто говорит о чем-то о обыденном. Иду за ней, ощущая, как кровь леденеет в жилах.

– Медведь? А ты уверена, что нам безопасно находиться там?

– Ты же хотела повидать бабулю? – Усмехается девушка.

– Теперь я в этом уже не так уверена... – Озираясь по сторонам, бормочу я.

– Буквально минуту назад, Нея, ты не боялась прогуливаться в одиночку по кладбищу, а теперь испугалась какого-то мишку. Умора!

– Это же просто кладбище. – Перешагивая через сухие ветви, говорю я. – Мне слабо верится в то, что кто-то из покойников восстанет, чтобы причинить мне зло. А медведь – другое дело, ты что, не смотрела «Выжившего»?

В этот момент я поскользываюсь и чуть не валяюсь на одну из столетних могил с мраморным изваянием. С трудом удержав равновесие, хватаюсь за какую-то палку, торчащую из земли.

– Не трогай! – Предупреждает меня Сара, обернувшись.

Я испуганно отдергиваю руку.

– А что будет? – Палка как палка. Улыбаясь, я отряхиваю ладони. – Оскорблю мертвых? Девушка качает головой.

– Это не смешно. На кладбище вообще не бывает ничего смешного, и тут нельзя просто так прогуливаться, ясно?

– А что будет-то? – Я задеваю кончиком пальца верхний кончик воткнутой в землю деревяшки. – Тот, кому принадлежит этот посох, придет и затащит меня в ад?

– Ты серьезно? – Сведя брови к переносице, шепчет Сара. Она подходит, берет меня за руку и с силой тянет за собой. – Мать учила меня, что на кладбище нельзя ничего касаться. Могилы – это врата в иной мир.

– Серьезно?

– А ты думаешь, это просто палка?

– А что тогда?

– Раньше подобный кол втыкали в могилу, чтобы покойный не мог подняться из-под земли и обрести новую жизнь!

– Думаешь, какой-то кол способен удержать кого-то на том свете? – Усмехаюсь я.

Девчонка снова останавливается, отпускает мою руку и пристально смотрит мне в глаза.

– Я не собираюсь проверять ценой своей жизни, так это или нет. – Произносит она твердо. Я развожу руками.

– О'кей. И много у вас таких в Реннвинде, кто доверяет старинным поверьям и боится каких-то древних страшилок?

– В это верит моя мать, а этого мне достаточно. – Вздохнув, говорит Сара.

Похоже, для этой странной девчонки с кучей браслетов на руках действительно важно то, о чем она рассказывает.

– А кто твоя мать? – Интересуюсь я, когда мы возобновляем наш путь.

– Мы – каале. – Доносится до меня голос Сары.

– Цыгане?

– Да. У вас это так называется.

– О, понятно. И зачем ты пришла на кладбище? Тоже повидать кого-то из родственников?

– Мы сжигаем тела наших предков на костре, так что нет.

– О...

Оригинально. Почти как кремация, только в полевых условиях. Ясененько.

– Особый обряд. – Поясняет Сара. – Традиции сжигать умерших в погребальном костре уже много веков.

– Тогда что ты тут-то забыла?

– Мне нужно набрать немного могильной земли, чтобы мама могла *послушать* ее. – Доносится до меня ее вкрадчивый голос.

– Твоя мать – ведьма, что ли? – Мое горло сковывает льдом.

– Боже, нет! – Девчонка останавливается и смотрит на меня так, чтобы я в полной мере ощутила на себе ее возмущение. – Она – каале, мы все видим больше обычных людей. А моя мать – потомственная ясновидящая нашего рода.

– Та, что гадает на картах и по отражению в стеклянном шаре угадывает судьбу?

Судя по всему, Сара начинает закипать.

– Послушай... – Шумно выдыхает она.

– Прости! – Я вскидываю руки. – Я вовсе не хотела сказать, что не верю в гадания на картах, просто...

– Мы пришли. – Говорит девушка и указывает на надгробный камень, на котором выбиты какие-то буквы. – Остлунд – это же твоя фамилия, да? Значит, ты на месте. Оставляю тебя с дражайшей бабулей, общайтесь, сколько влезет! А я пошла.

Пару секунд я пялюсь на надпись, а затем меня пробирает холод.

– Подожди! – Восклицаю я. – Сара, у меня и в мыслях не было тебя обидеть, поверь!

Она медленно оборачивается.

– Это нормально подвергать сомнению все то, что не доказано наукой, но это не значит, что этого не существует. – Я топчусь на месте, поглядывая то на нее, то на могилу. – Не уходи, пожалуйста, мне тут одной... не по себе.

– Чего ты боишься? – Сара складывает руки на груди. – Покойники же не встают из-под земли, так?

Я медленно тяну носом воздух, а затем шумно выдыхаю.

– Так. В теории. Но я готова выслушать все версии, потому что в последнее время со мной тоже творится что-то странное. И мне хотелось бы получить этому хоть какое-то объяснение.

– Что именно с тобой происходит? – Теперь ей становится интересно, и она подходит ближе.

– Я вижу сны. – Признаюсь я, опускаясь на корточки и касаясь пальцами гладкого надгробного камня. Он холодный и покрыт изморосью. Мои колени медленно погружаются в стелющийся по земле туман. – И они меня пугают.

– Иногда моя мама берется за толкование снов. – Говорит девушка, опускаясь на корточки рядом со мной. – Если хочешь, можешь побеседовать с ней. – Она убирает с мрамора прилипшие сухие листья и тепло улыбается мне. – А вообще, ты права. Вся эта ерунда с хрустальным шаром – это больше психология. Люди приходят поговорить, и мама утешает их, дает советы и напутствия, от которых им становится легче принять какое-то решение. Но она реально видит больше, чем обычный человек. Я знаю это, потому что учусь ассистировать ей.

– И как она видит? Через шар? По картам?

– Карты сами по себе – просто картинки с символами, но в руках медиума они становятся живыми. Мама называет их указующим перстом самой судьбы и относится к ним с почтением: не использует слишком часто, дает отдохнуть. Та колода, которую она бережно хранит в своей шкатулке, досталась ей от моей пра-пра-прабабушки Розы.

– А зачем твоей матери кладбищенская земля? – Осторожно интересуюсь я.

– Мама сказала, что чувствует, будто зло пришло в наши края. Она собирается выяснить, что на самом деле происходит.

– Зло?

Сара уверенно кивает.

– Та девушка, что пропала. Стина. Ты слышала о ней?

Теперь киваю я.

– Говорят, город организовал поиски. – У меня пересыхает в горле. – Двери всех магазинов обклеили желтыми листовками.

– Те, кто пропал, уже не возвращаются. – Глухо произносит Сара. Ветер осторожно перебирает ее темные волосы. – Лес уже забирал нескольких. Это происходит годами, людей периодически находят мертвыми, но теперь... теперь это что-то другое.

– Что значит «лес забирал»?

Девушка переходит на шепот.

– Никто не знает, но мама слышала, что в лесу находили останки убитых: части их тел были развешаны на ветвях деревьев, точно игрушки на рождественской елке. – Она обводит взглядом кладбище. – Начальник полиции это ей сказал. Старший Хельвин.

– Старший Хельвин?

Сара встает, и ее браслеты издают мелодичный звон.

– Отец Бьорна. – Ее бровь многозначительно изгибается. – Того самого, который учится с нами.

– Отец Бьорна – начальник полиции? – Я тоже встаю.

– А его младший брат, дядя Бьорна, – она кивает в сторону церкви, – пастор. Настоятель этой церкви.

Мой взгляд скользит по заросшему мхом серому зданию с крестом, над которым кружит ворон.

– А их отец, дед Бьорна, был городским главой Реннвинда. – Продолжает Сара. – Он умер примерно полгода назад – кто-то напал на него в лесу. Никто не знает, что уж там точно произошло, но в тот же день Кайя, младшая сестра Бьорна, ей шестнадцать, очутилась в больнице и впала в кому. Так до сих пор и не приходит в сознание. – Она вздыхает. – Может, поэтому Хельвин младший и стал таким грубым и агрессивным?

– У Бьорна есть сестра. – Подытоживаю я.

– Да. И, кажется, она нравилась Микке – он ухаживал за ней.

– Микке?

– Ага. Тот самый Микке, что крутится вокруг тебя волчком.

Я краснею.

– И Микке встречался с младшей сестрой Бьорна?

– Не знаю. Но интерес он к ней проявлял. – Пожимает плечами Сара. – В любом случае, Бьорн не допустил бы этого союза.

– Почему? – Хрипло спрашиваю я.

Сара задумчиво жует губу.

– Он оберегал свою сестру. Во-первых, она была слаба здоровьем и совсем не разговаривала. Во-вторых, тяжелое детство: отец у них с Бьорном один, а вот матери – разные. И обе скончались в родах. Так что детей воспитывал в одиночку Хельвин старший. Да, та еще семейка – странная.

– Да уж. – Мне становится трудно дышать.

Оказывается, у нас с Бьорном гораздо больше общего, чем предполагалось.

– Так что неудивительно, что сынок Хельвинов вырос неотесанным и совсем не умеет контролировать свои эмоции. – Морщится моя новая знакомая. – Даже наличие дядьки-священника не сделало из него человека.

– Угу. – Я снова пялюсь на серое здание церкви.

Не сделало человека...

– Нея.

– А? – Ее слова возвращают меня к реальности.

– Ну, так что? Оставить тебя наедине с бабулей?

– Н-нет. – Мотаю головой из стороны в сторону. – Если честно, мы с ней даже не были знакомы. – Бросаю взгляд на выбитое на табличке имя «Вильма». – Не представляю, о чем нам с ней разговаривать.

– И губы у тебя посинели. – Хмурится Сара. – Замерзла?

И только после ее слов я понимаю, что дрожу всем телом.

– Похоже на то.

– Идем-ка, нужно двигаться, чтобы согреться. – Она берет меня под руку и увлекает за собой по дорожке. – Шире шаг. – Девчонка трет ладонью мое предплечье. – Давай-ка, расскажи мне, что там с твоей семьей, Нея. Почему ты никогда не видела свою бабушку?

Глава 9

Мы расстаемся с Сарой на перекрестке в двухстах метрах от моего дома. Она уходит в сторону леса, держа подмышкой мешочек с собранной с одной из могил возле церковной ограды землей, а я иду в сторону дома бабушки, прокручивая в голове все услышанное.

Как бы то ни было, меня не покидает ощущение, что все вокруг недоговаривают чего-то. Будто я одна не знаю чего-то очевидного, в курсе чего все остальные жители этого города.

Порыв ветра шелестит краями листовок, приклеенных к фонарным столбам, и у меня не получается не обращать внимание на лицо Кристины Мёллер, задумчиво глядящее на меня с объявления.

«Если хочешь жить...» – звучит в ушах голос парня в маске, и я понимаю: если кто и знает, куда пропала девушка, то это Бьорн. Возможно, он и есть причина ее исчезновения. И вероятно, мне стоило бы рассказать об этом кому-то. Но кому, если отец Бьорна – начальник полиции? Он ведь ни за что не выдаст сына! И как мне быть?

Я плетусь к дому, не поднимая головы.

Пиная камешки, и те прыгают по асфальтовому полотну, резво кувыркаясь в воздухе. «Нужно будет взять дополнительные часы по истории – это единственный предмет, по которому я немного отстаю. По всем остальным предметам гимназия Реннвинда идет в ногу с остальными школами, и проблем с материалом у меня возникнуть не должно».

Камешек останавливается у чьих-то ног, и я замираю.

Поднимаю взгляд и широко распахиваю глаза.

– Ингрид?!

Тетя сидит на верхней ступеньке крыльца, по-детски неуклюже оперев подбородок в ладони. У нее уставший взгляд, одежда помята, но лицо выглядит свежим, а длинные светлые волосы красиво колышутся на ветру.

– Ты приехала! – Радостно восклицаю я. И тут же прикусываю губу, вспомнив о том, что вообще-то тетя должна сейчас быть в бешенстве от моего поступка. – *Ты приехала...*

Она молчит, и у меня не получается считать эмоции из ее взгляда. Я оглядываюсь в поисках ответов и вижу на дороге старенький седан тети, набитый под завязку сумками и растениями.

– Я так рада! – Я опускаюсь на ступень рядом с ней. – Ты провела в дороге весь день? И привезла с собой свои вещи... – Осторожно беру ее руку в свою ладонь. – Значит, ты останешься со мной здесь, да?

Ингрид медленно поворачивается.

– Ты хоть скучала по мне, детка? – Вздыхает она.

Я расплываюсь в улыбке.

– Каждую минуту! Честно-честно! Очень-очень! Клянусь! – И крепче сжимаю ее руку.

– Ты знаешь, что этим побегом свела с ума свою бедную тетю?

– Прости... – Искренне говорю я. – Прости! В тот момент мне казалось, что я поступаю правильно. Мне так не хотелось быть тебе обузой!

– Обузой? – Таращится Ингрид. Ее карие глаза распахиваются в удивлении. – Как ты могла так подумать? Я ведь растила тебя с самого рождения! Я люблю тебя как собственную дочь, Нея!

– Я знаю. – Всхлипываю я. – Просто мне всегда казалось, что из-за меня ты не заводишь собственную семью...

– Семейку? Ты – моя семья, Нея! – Она качает головой, а затем сгребает меня в охапку. – У меня же никого кроме тебя нет, детка. Да я... я... я чуть с ума не сошла, когда прочитала твою записку! – Тетя отстраняется, чтобы наградить меня шутливо-строгим взглядом. – Клянусь,

отшлепала бы твою бессовестную задницу, окажись ты рядом в тот момент – так я разозлилась! – Она шмыгает носом. – А потом испугалась, разревелась от переживаний. Не помню, как собрала все вещи и метнулась вслед за тобой!

– Я *очень* виновата. – Мой голос сипнет.

– Ты уже большая и сильная девочка, Нея. – Бормочет Ингрид, вытирая пальцами слезы с моего лица, а затем целует меня в обе щеки. – Но больше никогда не поступай так со мной, ладно?

– Хорошо.

– Переезд – дело серьезное, и так спешно не решается. – Она притягивает меня к своей груди, обнимает и гладит по спине. – Я же не была против, просто хотела сделать все по-человечески. Я понимаю, почему тебя тянуло на родину матери: ты ищешь ответы, и уверена, очень скоро найдешь их. Просто всему свое время, малыш. Всему свое время.

– Мне скоро восемнадцать, – шутливо протестую я. – Какой я тебе малыш?

– Для меня ты всегда останешься моей маленькой девочкой, Нея. – Улыбается Ингрид, отстраняясь и беря в ладони мое лицо. – Такая взрослая, посмотрите-ка. Сбежала в другой город – ну, кто бы мог подумать?

– Я уже прибралась в бабушкином доме и разложила свои вещи. – Гордо сообщаю я. Тетя качает головой.

– И как там?

– Уютно и... старомодно.

– Ну, с этим мы справимся. – Она смеется. – Если ты, конечно, позволишь мне остаться?

Это ведь твой дом.

– Разумеется, ты должна остаться со мной! Я больше не хочу разлучаться, Ингрид!

Тетя улыбается, и клянусь, ее улыбка сияет так, что могла бы разогнать и облака.

– Я очень переживала. – Создается она, вздохнув.

– Прости. – Еще раз повторяю я.

Мы обнимаемся снова.

– Даже не представляю, как ты тут справилась со всем. – Шепчет тетя.

– Я поступила в гимназию Хемлиг и уже два дня посещаю занятия!

– Но как они... как они приняли тебя?

– Есть пара формальностей: ты как опекун задолжала им пару подписей, – хихикаю я, – поэтому придется зайти туда на неделе.

– Ну, это без проблем. – Понимающе кивает Ингрид.

– Спасибо!

Мы размыкаем объятия, и тетя заботливо тянется к моим волосам:

– Распусти их, Нея. – Она освобождает от резинки спутанные пряди и проводит вдоль них пальцами. – Вот так. Не прячь свою красоту. Твоя красота – твоя сила, помни это.

– Мне та-а-ак не хватало твоих наставлений! – Смеюсь я.

Ингрид поправляет мамин кулон на моей шее, затем устало улыбается:

– Пора нам с тобой выпить чаю.

Мы встаем и вместе входим в дом.

Тетя останавливается каждые два метра, чтобы поглазеть на меблировку, обои и внимательно рассмотреть каждую мелочь.

Я не в силах угадать по ее взгляду: грустно ей от нахлынувших воспоминаний или радостно, но понимаю одно – мысленно Ингрид смотрит картинки из прошлого, и они сменяются перед ее взором точно кадры старой киноленты.

– Я столько раз приходила сюда в детстве. – Наконец, произносит она, останавливаясь у камина. – С тех пор почти ничего не изменилось в этом доме.

– А что изменилось? – Интересуюсь я.

– Теперь повсюду разбросаны твои вещи, Нея. – Улыбается тетя.
Я смеюсь, и мы вместе идем на кухню.

Через несколько минут помещение наполняют ароматы трав, которые мы завариваем в прозрачном чайнике, запах подсушенного в тостере хлеба и сыра. Мы едим, болтаем, смеемся, делимся новостями, но все обрывается в один прекрасный момент, когда раздается звонок в дверь.

– Ты ждешь кого-то? – спрашивает тетя, застывая с чашкой чая в руке.

– Нет. – Я мотаю головой.

Она встает и подходит к окну.

– Там какой-то парень. – Ингрид бросает на меня долгий испытующий взгляд. – Высокий и симпатичный.

– Микке... – Вдруг осеняет меня.

Глава 10

– Сколько дней ты в этом городе? Два или три? – Оборачивается тетя. – И уже обзавелась парнем?

Мои щеки вспыхивают.

– О, боже, нет! Он – просто... Мы с ним учимся вместе!

Круто, теперь у меня еще и язык заплетается!

– Дай угадаю. – Ингрид издевательски прищуривается. – Ты пригласила его домой, чтобы вы сделали вместе чертовски сложную домашку по биологии?

– Нет! – Я подсакиваю со стула. – Микке позвал меня прогуляться вечером, а я совершенно забыла об этом.

– Я открою. – Жестом тетя указывает мне сесть на место, затем ставит кружку на стол и отправляется в коридор.

Мне хочется провалиться под землю. Ингрид серьезно относится к своим опекунским обязанностям, и я все еще помню, какой допрос она устроила Магнусу Бергу, когда тот в восьмом классе пришел делать со мной совместный проект по географии: клянусь, он общался больше с ней, чем со мной, потому, что тетя бомбардировала его неудобными вопросами каждые две минуты.

– Но... – Я делаю шаг, но так и не решаюсь отправиться за ней.

Забота обо мне доставляет Ингрид удовольствие и позволяет чувствовать себя важной частью моей жизни – это я знаю и потому решаю: хватит с нее и моего побега в Реннвинд, можно какое-то время побыть и хорошей девочкой.

Звонок в дверь раздается снова, а затем я слышу, как скрипит входная дверь.

– О, здрасьте... – Озадаченно бормочет Микке.

– Добрый день. – Голос тети спокоен.

– А вы... а-а-а... – Парень кашляет. – Здесь живет Нея?

– Кто?

– Нея. Нея Остлунд.

– Простите?

– Мы с ней договорились встретиться... она ведь здесь живет?

– Хм. Впервые слышу это имя. – Хмыкает тетя.

– Да? Странно. Мне казалось... – Похоже, он расстроен.

– Аха-ха-ха, это шутка! – Не выдерживает она. – Видел бы ты себя! Умора! Проходи, я тетя Нея.

– Микаэль Линдстрем.

– Ингрид.

Наверное, они жмут друг другу руки. Чтобы убедиться в этом, я выхожу в коридор.

– Привет. – Стучу пальцами по кружке с чаем.

Увидев меня, Микке смущенно выдыхает:

– Привет, Нея. – И проводит ладонью по коротким волосам. – Как дела?

– Вижу, ты уже познакомился с тетей. – Улыбаюсь я.

– Да, она у тебя... шутница. – Микке неловко оглядывается через плечо.

– Значит, вы учитесь вместе? – Закрыв дверь, устремляет на него свой взор Ингрид.

– Да. – Кивает парень. – У нас несколько общих предметов.

Он переступает с ноги на ногу, ожидая приглашения пройти в гостиную, либо моего сигнала о том, что мы отправимся сейчас вместе куда-то.

Но тетя не дает ему расслабиться.

– Линдстрем... Линдстрем... – Задумчиво произносит она и складывает руки на груди. –
А Арвид Линдстрем – не твой отец?

– Все верно. – Микке меняется в лице.

– Восемнадцать лет прошло, но этот город все еще меньше наперстка. – Усмехается

Ингрид. – Я знаю твоего отца, потому что мы жили на соседних улицах. Как он, кстати?

– Его не стало семь месяцев назад. – Мрачно отвечает парень.

– О, прости... – Тетя прочищает горло и отводит взгляд в сторону.

– Все нормально. – Микке расправляет плечи.

– Сочувствую. – Тихо говорю ему я.

– Так... – Ингрид явно размышляет, чем бы сгладить неловкость момента, а затем
выдает: – Чем вы собирались заняться с моей племянницей?

– Мы...

Я не даю ему договорить:

– Микке, прости, пожалуйста, но я не смогу никуда пойти с тобой сегодня. – Крепко
сжимаю пальцами чашку. – Тетя только что приехала, и мне нужно помочь ей разобрать вещи.

– Вот как. – Он прячет руки в карманы куртки.

Было бы проще, если бы Ингрид ушла в кухню, но она по-прежнему здесь: стоит и при-
стально смотрит по очереди на каждого из нас.

– Может, быть в следующий раз... – Я виновато пожимаю плечами.

– Что ж... – Он шаркает ногой.

– Или ты можешь остаться и помочь нам выгрузить вещи из машины и занести в дом. –

Вдруг предлагает ему тетя. – Если вы с Неей займетесь моим багажом и расставите все растения
в гостиной, то я смогу в это время приготовить нам с вами ужин. Как идея?

Я не видела ни одного мужчину, который бы отказал ей. Всякий, кто оказывался на
пороге нашей квартиры, немедленно попадал под очарование Ингрид. Всегда.

– Я с удовольствием! – Хватается за эту возможность Микке.

– Тогда поторопитесь. – Улыбается тетя. – Кажется, собирается дождь.

Она отворяет дверь, и мы выходим на крыльцо. Небо отливает сталью, но ни единой
тучки не видно.

– Советую начать с желтой сумки, в ней продукты для ужина. – Распоряжается Ингрид,
отдавая парню ключи от машины и оставляя нас одних. – И будьте осторожны с сиреневыми
коробками: там травы, а они любят нежное обращение!

Мы остаемся одни и переглядываемся.

– Прости, – шепчу я.

И ставлю кружку на деревянные перила.

Микке долго смотрит на меня сверху вниз, а затем скидывает косуху и вешает ее на
перила рядом с кружкой.

– А ты полна сюрпризов. – Подмигивает он.

Я пожимаю плечами и отвожу глаза. Мне неловко под его взглядом, хотя я даже еще не
решила: нравится мне Микке или нет.

– Ну что, начнем? – Парень жмет на брелок, и от машины раздается сигнал разблоки-
ровки.

– Начнем. – Я закатываю рукава.

Чемоданы, сумки, коробки и коробочки, полиэтиленовые, бумажные, пластиковые
пакеты, тканевые мешки и мешочки – мы таскаем их в дом, не переставая удивляться, как все
это добро могло уместиться в салоне старенького седана.

– Осторожнее, – предупреждаю я, когда Микке вынимает с заднего сидения пальму в
горшке.

Его крепкие мышцы туго натягивают рукава футболки, но лицо кажется непроницаемым. Похоже, парню совсем не тяжело.

– Ерунда. – Ослепительно улыбается он.

Я провожаю его взглядом, а затем вижу тетю в окне и спешу отвернуться. Беру коробку, в которую плотно уложены травяные сборы в банках, и несусь в дом.

– Ничего не слышно о той пропавшей девушке? – Интересуюсь я, когда мы встречаемся с Микке в коридоре. – Ее не нашли?

Он забирает из моих рук коробку:

– Кажется, нет, все еще прочесывают лес.

– Как ты думаешь, что с ней могло произойти?

Мы выходим на улицу и подходим к машине.

– Не знаю. – Мрачнеет парень.

Он вынимает из салона пару кашпо с растущими в них тимьяном и розмарином.

– А что, если это дикий зверь напал на нее в лесу? Такое возможно?

– Вполне. – Кивает Микке, поворачиваясь ко мне.

– А если не зверь, а что-то другое?

– Что, например? – Его брови взлетают вверх.

– Не знаю. – Я тяжело вздыхаю. – Говорят, в Реннвинде завелось какое-то зло...

Парень опускает кашпо ниже и наклоняется к моему лицу:

– Люди в этом городе верят, что озеро создал своими руками тролль, который вырвал из земли камень и наполнил пространство под ним водой. А еще верят, что вэтга – домовый, насылает на них икоту, что горные духи, разозлившись, портят погоду, и что русалка затаскивает усталых путников под воду. – Микке качает головой. – Здесь постоянно болтают всякое, так уж повелось. Неужели, ты тоже веришь в глупые страшилки, Нея?

Я пожимаю плечами, но так и не решаюсь поведать ему секрет, который мне теперь приходится делить с Хельвином.

– Выбрось-ка эту ерунду из своей хорошенькой головы, ладно? – Говорит он и толкает меня плечом.

– Уже. – Смеюсь я.

Хватаю коробку и бросаюсь его догонять.

– Придешь завтра на игру? – Микке ставит кашпо и помогает мне сложить коробки в гостиную.

– Во сколько? – Мне не удается удержаться от улыбки под его наглым взглядом.

– После занятий.

– Хм... Возможно. – Прикидываю я и иду обратно.

– Что значит «возможно»? – Смеется Микке, догоняя меня у машины. – Разве я не заслужил новое свидание?

Я беру из машины последние вещи и оборачиваюсь к нему:

– Свидание? Кто говорил о свидании?

Черт подери, да мы флиртуем – так и запишите.

Парень отрезает мне путь к дому, почти прижимает широкой грудью к машине.

– А что это тогда сейчас было?

– Если и свидание, то очень не стандартное. – Я закатываю глаза. – Мы договаривались прогуляться, а по факту – таскали вещи. Похоже, тебе стоит освежить свои знания о свиданиях, Микке. Попробуй начать с википедии, я всегда ищу там определения непонятных слов.

– Ну, точно. Раз это не было настоящим свиданием, – он фактически вжимает меня в кузов автомобиля, – значит, ты должна мне теперь целых два!

– Размечтался! – Возмущаюсь я. – Это же вымогательство!

Парень наклоняется ниже, и я ощущаю его дыхание на своей щеке. Мое сердце обрывается. Может, он и собирается прошептать мне что-то на ушко, но выглядит это так, будто Микаэль Линдстрем хочет поцеловать меня здесь и сейчас – прямо посреди улицы, на глазах у моей тети, которая, может быть, как раз в этот момент смотрит в окно. Как хорошо, что нас разделяют пакеты, которые я держу в руках, а еще... еще с неба вдруг начинают падать огромные капли. Дождь!

– Черт! – Восклицает Микке, поднимая голову.

И одна из больших капель падает ему прямо на нос.

– Похоже, ты чем-то прогневил горных духов! – Смеюсь я.

И, пользуясь случаем, вырываюсь из его ловушки.

– Подожди! – парень хватает из машины последнюю коробку, щелкает сигналкой и бросается за мной.

Мы хохочем, укрывшись под навесом на крыльце, толкаемся, а потом вваливаемся вместе в дом.

– Жду вас к столу! – Доносится до нас голос тети.

И я многозначительным взглядом призываю Микке к спокойствию.

– Неужели, я не заслужил свидания? – Шепчет парень, ступая за мной по коридору. – Какая ты жестокая, Нея!

– Тогда выиграй завтра, – усмехаюсь я, – и может быть...

Уложив вещи, мы идем в кухню и моем руки. Помещение наполнено ароматами овощей, мяса и запахом трав: мяты, шалфея и чего-то горького, не могу понять чего именно. На дне пухлятой ступки сиреневый пух лаванды, но это точно не она, это что-то терпкое, что приятно щекочет нос.

Микке брызгает на меня водой, пока Ингрид не видит, а я беззвучно хохочу.

– Ну, что, Микаэль, расскажешь нам немного о себе? – Прерывает наши игры тетя.

Она ждет, пока мы рассядемся за столом, а затем наливает гостю травяной чай из маленького глиняного чайничка.

– Что бы вы хотели знать? – Он с воодушевлением усаживается и берет вилку.

– Ты занимаешься спортом? – Спрашивает Ингрид, садясь напротив него.

– Гандбол. – Гордо отвечает Микке. – Я – нападающий.

Она придвигает к нему тарелку.

– Прекрасно. А как твои успехи в учебе? – Следующий вопрос тетя закидывает, словно мяч, дождавшись, когда парень попробует мясо и сделает глоток чая.

– Ингрид... – прошу я.

– Все в порядке, Нея, я отвечу. – Улыбается Микке.

Тетя медленно переводит на меня строгий взгляд:

– Я просто хочу узнать Микаэля получше. Мне ведь хочется быть в курсе, с кем ты проводишь время. – Затем она поворачивается к нему и упирает подбородок в ладонь. – Уверена, твой гость будет абсолютно искренен со мной.

– Конечно. – Кивает парень. – Если не считать двух предупреждений за прогулы, то с учебой я справляюсь неплохо. Хотя, мама все равно ворчит, просматривая мои оценки.

– Угу. – Улыбается Ингрид, наблюдая за тем, как Микке пробует овощи и запивает их чаем.

– Вкусно. – Старается быть вежливым мой гость. – Вы отлично готовите.

– Спасибо.

А мне делается не по себе: ну, нельзя же вот так – нападать на человека с расспросами и сверлить пытливым взглядом, точно опытный дознаватель!

– А что насчет Неи? – Вдруг ласково спрашивает тетя.

Он заворожено наблюдает, как она постукивает пальцами по своей щеке, а затем переводит взгляд на меня.

– В смысле?

– Она тебе нравится? – Прищуривается она.

Его вилка застывает в воздухе.

– Да. – Уверенно заявляет парень. – Нея мне нравится.

– А ты хочешь с ней встречаться?

Вопросы тети летят в него как пули.

– Э... да. – Кивает Микке.

Теперь он кажется растерянным.

– У тебя серьезные намерения насчет нее?

Парень облизывает губы и мотает головой – так, будто стряхивает воду с волос.

– Я... я еще об этом не думал.

– А что же ты тогда думал насчет нее? – Наседает Ингрид.

– Тетя! – Восклицаю я.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.